

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

В диком дитя живет настоящая леди,
которая способна очаровать даже самого
взыскательного английского джентльмена!

amazon.com

HARLEQUIN®

БРЕНДА ДЖОЙС

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Эта хрупкая девушка
повидала на море
опасные штормы,
но едва ли она способна
справиться с бурей
в собственном сердце!

Прекрасная леди

Продано более 14 миллионов экземпляров

Семейство де Уоренн

Бренда Джойс

Прекрасная леди

«Центрполиграф»

2006

Джойс Б.

Прекрасная леди / Б. Джойс — «Центрполиграф»,
2006 — (Семейство де Уоренн)

Казнь пирата на главной площади города взбудоражила всех обитателей Ямайки, и, кажется, никому нет дела до его юной дочери Аманды. Волею судеб о Дикарке, как кличут девушку все вокруг, начинает заботиться красавец и богач, потомок знатного рода, один из известнейших каперов Клифф де Уоренн. Он не только берется переправить Аманду в Англию к давно потерянной матери, но обещает превратить Дикарку в настоящую леди. Долгое морское путешествие сближает Аманду и Клиффа, но девушка не желает связывать графа невоплотимыми обязательствами.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бренда Джойс

Прекрасная леди

Глава 1

Королевский дом, 20 июня 1820 года

Он был известен как величайший джентльмен-капер¹ своего времени, и это лестное звание не переставало его забавлять. «Джентльмен» и «капер» были теми двумя словами, которые никогда не стоило употреблять в одном и том же предложении, даже несмотря на то, что он слыл исключением из этого правила. Клифф де Уоренн, третий и самый младший сын графа Адарского, нахмурившись, пристально смотрел на недавно возведенную виселицу. Случалось, и он проигрывал битву или терял свою добычу, но даже в самые безнадежные моменты не мог смириться со смертью. Клифф прикинул, что уже истратил по меньшей мере шесть жизней, и теперь оставалось только надеяться, что в запасе было еще как минимум три.

Смертная казнь через повешение всегда собирала огромную толпу. Все – от жулика до плантатора, от леди до шлюхи – стекались в город, чтобы поглазеть на то, как взойдет на плаху пират. Завтра публика затаит дыхание от нетерпения и предвкушения. И когда шея пирата будет с громким, неприятным треском сломана, раздадутся аплодисменты, послышатся веселые, одобрительные возгласы.

Высоченный, на голову возвышающийся над окружающими, мужчина с длинными рыжевато-коричневыми, выжженными солнцем волосами и бронзового цвета лицом, Клифф восхищал синими глазами, которыми славились все мужчины династии де Уоренн. Он был одет повседневно – в высокие сапоги, светло-бежевые замшевые ботинки и тонкую льняную рубашку, однако в глаза бросалось его мощное вооружение. Даже в изысканном светском обществе Клифф носил кинжал на поясе и стилет в сапоге, ведь состояние он нажил непросто, заполучив изрядную долю недругов. Кроме того, на островах времени придерживаться моды у него просто не оставалось.

Клифф понял, что опоздал на условленную встречу с колониальным губернатором. Но не поторопился: его внимание привлекли только-только ступившие на площадь леди, одетые по последней моде, и особенно одна из них, выделявшаяся исключительной красотой. Они бросали взгляды в сторону Клиффа, о чем-то взволнованно перешептываясь. Он увидел, как леди направились к эшафоту, чтобы осмотреть место завтрашней казни. При обычных обстоятельствах Клифф счел бы красотку достойной приглашения в свою постель, но сейчас он чутко улавливал будоражившую этих дам жажду крови и ощущал искреннее отвращение.

Стоя прямо перед впечатляющим входом в роскошный Королевский дом, Клифф продолжал наблюдать за тремя женщинами, прогулочным шагом двигавшимися к виселице. Явное очарование элегантных леди из светского общества пришлось как нельзя кстати – подобно остальным представителям семейства де Уоренн, Клифф был весьма любвеобилен. Он узнал одну из них, блондинку, жену джентльмена-плантатора, с которым был хорошо знаком, а вот ее спутница, темноволосая красавица, несомненно, оказалась на острове совсем недавно. Она улыбалась Клиффу, очевидно зная, кем он был, и явно предлагая свое расположение, которое он волен был благосклонно принять.

Клифф этого не сделал. Он учтиво кивнул брюнетке, та на мгновение задержала взгляд на его лице и отвернулась.

¹ Капер (или приватир) – хозяин торгового морского судна, который с разрешения властей воюющего государства захватывает вражеские корабли. В отличие от пирата, грабящего все суда, капер нападает лишь на неприятельские корабли.

Когда де Уоренн не действовал в соответствии с каперскими свидетельствами², он был аристократом и легальным владельцем торгового судна, и все же за его спиной звучали оброненные шепотком нелестные эпитеты – «жулик» и «морской разбойник». А одна особенно страстная любовница даже называла его пиратом. Истина же заключалась в том, что, даже получив воспитание джентльмена, он больше чувствовал себя дома в Спэниш-Таун, чем в Дублине, в Кингстоне, чем в Лондоне, и даже не трудился это скрывать. Находясь на палубе своего судна в разгар охоты, ни один человек, наверное, не смог бы оставаться джентльменом. Аристократичные замашки в открытом море означали смерть.

Но Клиффа никогда не волновало то, о чем шушукались за его спиной. Он сделал свою жизнь именно такой, какой хотел, обойдясь без помощи отца, и снискал репутацию одного из величайших морских владык. И хотя Клифф всегда тосковал по Ирландии, самому восхитительному месту на свете, только в открытом море он чувствовал себя свободным. Даже в графском имении, окруженный семьей, к которой относился с такой нежной заботой, он нисколько не походил на двух своих братьев – главного и «запасного» наследников. По сравнению с ними, привязанными к земле и скованными обязательствами, Клифф действительно был заправским пиратом. Представители светского общества обвиняли его в том, что он – другой, эксцентричный и чуждый, и были в этом абсолютно правы.

Перед тем как повернуться, чтобы войти в Королевский дом, Клифф заметил, как еще две леди подошли к утонченному трио. Толпа на площади продолжала расти. Джентльмен, которого он знал как успешного торговца из Кингстона, присоединился к элегантным дамам, как и несколько моряков.

– Надеюсь, он насладится своей последней трапезой³, – засмеялся один из моряков.

– Неужели он на самом деле перерезал горло морскому офицеру? – чуть не задохнулась от волнения представительница компании очаровательных дам. – И раскрасил его каюту кровью?

– Это старая пиратская традиция, – с усмешкой пояснил моряк.

Услышав это нелепое обвинение, Клифф закатил глаза.

– Они вешают здесь много пиратов? – спросила красавица, затаив дыхание.

Клифф отвернулся. «Повешение превратится в цирк», – мрачно подумал он.

Ирония этой ситуации заключалась в том, что Родни Кэрр был одним из наименее грозных и самых неудачливых морских разбойников. Но его повесят, потому что губернатор Вудс твердо решил преподать урок остальным – любой ценой, во что бы то ни стало. Преступления Кэрра казались ничтожными по сравнению со злодеяниями безжалостных кубинских пиратов, которые сейчас свирепствовали в Карибском море. Но Кэрр оказался достаточно неумелым разбойником, чтобы попасться.

Де Уоренн знал приговоренного к казни, хотя и не слишком хорошо. Кэрр часто заходил в кингстонскую гавань, чтобы килевать⁴ свое судно или выгрузить добычу, а поместье Клиффа Уиндсонг располагалось неподалеку, в самом конце Харбор-стрит, в северо-западном ее направлении. За последнюю дюжину лет они едва обменялись полусотней слов, обычно просто кивали друг другу, проходя мимо. Так что у Клиффа не было ни одной весомой причины тревожиться о судьбе Кэрра.

– А дочь пирата? – взволнованно осведомилась одна из женщин. – Они повесят и ее тоже?

– Эта Дикарка? – отозвался джентльмен. – Вместе с отцом ее не схватили. И кроме того, мне кажется, никто на этом острове не смог бы обвинить ее в преступлении.

² Каперское свидетельство (каперский патент, комиссия) – выдаваемый властями документ, разрешавший каперу атаковать и захватывать вражеские корабли. (Здесь и далее примеч. пер.)

³ Последняя трапеза – особая еда, которую получает приговоренный к смерти незадолго до казни.

⁴ Килевать судно – класть судно на бок для починки его днища.

Только теперь Клифф осознал, что же его так тревожит. У Кэрра осталась дочь. Она была слишком молода, чтобы быть обвиненной в пиратстве, хотя, случалось, плавала с отцом.

«Вообще-то говоря, это не мое дело», – мрачно подумал Клифф, снова оборачиваясь к Королевскому дому. И все же в его памяти всплыли яркие воспоминания о дочери пирата – время от времени он поглядывал на нее, несущуюся подобно дельфину по волнам или бесстрашно стоящую на носу своего каноэ, опрометчиво бросая вызов ветру и морю. Они никогда прежде не разговаривали, но, как и остальных обитателей острова, он мог тотчас узнать ее, бросив один-единственный мимолетный взгляд. Дочь пирата, казалось, росла без присмотра на островных пляжах и городских улицах, и было просто невозможно не заметить ее с длинными, спутанными волосами серебристо-лунного цвета. Она была дикой и свободной, и Клифф издали восхищался ею уже многие годы.

Чувствуя все нарастающее волнение, он решил переключиться на другие мысли. В конце концов, завтра, когда повесят Кэрра, его даже не будет в Спэниш-Таун. И, прогнав прочь тягостную тему, Клифф принялся гадать, для чего же его вызвал Вудс. Они были друзьями – нередко обсуждали островную политику и даже разрабатывали вместе законопроекты, за время срока полномочий Вудса Клифф принял от него два каперских свидетельства и успешно справился с заданиями, взяв в плен иностранных бандитов. Вудс был решительным, твердым политиком и губернатором, и Клифф уважал его. Разок-другой они даже от души покутили вместе – Вудс тоже питал нежные чувства к прекрасным дамам, правда, предавался слабости только тогда, когда его жены не было в резиденции.

Два британских солдата со всех ног бросились вперед, когда Клифф, позвякивая шпорами из золота и рубинов, прошагал мимо шести ионических колонн, поддерживающих увенчанный британским гербом фронтон, к огромным дверям резиденции губернатора.

– Капитан де Уоренн, сэр, – произнес один из солдат, успокаиваясь при виде знакомого визитера. – Губернатор Вудс распорядился, чтобы вас немедленно проводили к нему.

Клифф кивнул солдату и прошел в просторный холл с огромной хрустальной люстрой. Стоя на натертом до блеска паркетном полу округлого зала, он мельком глянул в приемную, украшенную красным бархатом и парчой.

Томас Вудс улыбнулся и поднялся из-за стола:

– Клифф! Входи, дружище, входи!

Прошествовав в гостиную, де Уоренн пожал руку Вудса.

Губернатор, который разменял четвертый десяток, был худощавым привлекательным мужчиной с темными усами.

– Добрый день, Томас. Вижу, казнь состоится, как запланировано, – невольно вырвалось у Клиффа.

Губернатор кивнул, довольный своей затеей:

– Тебя не было почти три месяца, и ты понятия не имеешь, какое значение это имеет.

– Разумеется, имею, – возразил Клифф, и какое-то странное напряжение сковало его тело, стоило ему вновь подумать о будущем дочери пирата. В голову де Уоренна вдруг пришла мысль: а не навестить ли ему Кэрра в гарнизоне в Порт-Ройял. – Кэрр по-прежнему находится в форте Чарльз?

– Его перевели в тюрьму в здании суда, – пояснил Вудс.

Это самое здание суда, возведенное совсем недавно – годом ранее, располагалось напротив Королевского дома, по другую сторону площади. Вудс подошел к бару, встроенному в стоящий у стены огромный голландский буфет, и налил два бокала вина. Потом вручил один из бокалов другу:

– За завтрашнюю казнь, Клифф!

Но де Уоренн не присоединился к его тосту.

– Может быть, тебе стоит попытаться схватить пиратов, орудующих под флагом Хосе Артигаса, – сказал он, напоминая о генерале гаучо, который вел войну и с Португалией, и с Испанией. – У Родни Кэрра нет ничего общего с этими кровожадными злодеями, друг мой.

Вудс улыбнулся:

– Ах, я так надеялся, что именно ты возьмешься за поимку людей Артигаса!

Слова приятеля заинтересовали Клиффа, ведь страсть к охоте была у него в крови. Обычно, когда Вудс предлагал ему опасное задание, он соглашался без лишних раздумий. Однако сейчас его мысли были заняты совсем другим.

– Кэрр никогда не был настолько глуп, чтобы выступать против британских интересов, – заметил он, сделав глоток кларета.

Вудс возмущенно подскочил на месте:

– Выходит, что он – благопристойный пират? Добропорядочный пират? И в чем тогда заключаются твои возражения, твоя линия защиты? Его судили и признали виновным, завтра в полдень он будет повешен – и точка!

В воображении Клиффа мелькала одна и та же картина, которую он никак не мог отогнать. Ее волосы, серебристые, как лунный свет, ее промокшие насквозь сорочка и бриджи, сама Дикарка, вскидывающая тонкие руки над головой и ныряющая с носа отцовского суденышка в самую глубину моря. Помнится, когда в прошлом году Клифф вернулся домой и стоял на квартердеке⁵ своего любимого фрегата, «Прекрасной леди», он заметил Дикарку в подзорную трубу. Тогда де Уоренн помедлил, задержав взгляд на смеющейся девушке, и с трудом подавил в себе желание нырнуть в спокойное бирюзовое море вместе с ней.

– А что же будет с его дочерью, Дикаркой? – Клифф удивился, осознав, что, сам того не желая, произнес это вслух. Он понятия не имел, сколько лет Дикарке, но она казалась такой маленькой и худенькой, что ей наверняка было между двенадцатью и четырнадцатью.

Вудс, казалось, был поражен:

– Дочь Кэрра – Дикарка?

– Я слышал, что их ферма была конфискована в пользу короны. Что же теперь с ней будет?

– О боже, Клифф, я не знаю! По слухам, у нее есть родственники в Англии, возможно, она уедет к ним. В противном случае, полагаю, она может отправиться к сестрам монашеского ордена Святой Анны в Севилью – у них есть приют для сирот.

Клифф был потрясен. Он даже представить себе не мог, что станет с этим вольным, свободолюбивым существом, которому придется жить как в тюрьме. И кстати, он впервые слышал о том, что у девочки есть семья в Англии. Но когда-то Кэрр служил офицером в британском флоте, так что это было вполне возможно.

Вудс пристально посмотрел на Клиффа:

– Ты ведешь себя странно, друг мой. Я попросил тебя прибыть сегодня сюда, потому что надеялся, что ты согласишься принять от меня каперское свидетельство.

Мысли о дочери Кэрра тут же вылетели у Клиффа из головы. На его лице невольно расцвела улыбка.

– Надеюсь, ты ищешь Эль Тореадора? – осведомился он, вспоминая о самом жестоком морском разбойнике, который бесчинствовал в регионе.

Вудс усмехнулся:

– Ты прав.

– Тогда я счастлив принять это свидетельство, – совершенно искренне произнес Клифф.

⁵ Квартердек – возвышение верхней палубы в кормовой части парусного судна, где обычно были сосредоточены средства управления кораблем, в частности, штурвал и компас.

Охота определенно помогла бы избавиться от раздражения и беспокойства, которые так глодали его. Клифф находился в Уиндсонге вот уже три недели – обычно он оставался здесь на месяц-другой, – а если и жалел о чем-то, отправляясь в очередное путешествие, так только о разлуке со своими детьми. Дочь и сын де Уоренна жили в доме на острове, и он отчаянно скучал по ним, находясь в море или за границей.

– Пойдем пообедаем? Я попросил своего повара приготовить твои любимые блюда, – с довольным видом произнес Вудс, сжимая руку Клиффа. – Мы можем обсудить детали будущей морской операции. Кроме того, мне не терпится узнать твое мнение по поводу нового коммерческого предприятия в Ост-Индии. Ты, конечно, слышал о компании «Фелпс»?

Клифф уже собирался подтвердить, что слышал, когда до него донеслись тревожные крики солдат, стоявших у входа в резиденцию губернатора. Де Уоренн тотчас выхватил свою шпагу.

– Отойди назад, – приказал он Вудсу.

Губернатор побледнел, в его руке появился маленький пистолет, но он подчинился, поспешив в дальний угол гостиной. Клифф помчался в холл, где услышал, как один солдат задыхался от боли, а его товарищ кричал:

– Вам нельзя туда входить!

Парадная дверь открылась, и маленькая, тоненькая женщина с густой копной светлых волос вбежала внутрь, размахивая пистолетом.

– Где губернатор? – неистово вскричала она, наведя на Клиффа оружие.

На де Уоренна устремился взор самых ярких зеленых глаз, которые он когда-либо видел, и он позабыл, что пистолет направлен прямо ему в лоб. Потрясенный, он уставился на нарушительницу спокойствия. Оказывается, Дикарка была не ребенком, а молодой женщиной, причем очень красивой. На ее удлинённом лице выделялись высокие скулы, маленький прямой нос, пухлые соблазнительные губы. Но ее глаза буквально ошеломили Клиффа – он никогда не видел столь пленительных глаз, экзотических, будто у рыси.

Его пронизательный взгляд скользнул по фигуре Дикарки. Ее серебристо-лунные волосы оказались как раз такими, как он и думал – растрепанной волнистой гривой, достигавшей талии. На ней была надета огромная мужская рубашка, свисавшая до середины бедер, но даже под этим бесформенным нарядом безошибочно угадывались очертания груди. Бриджи и мужские сапоги, облежавшие икры, не могли скрыть длины, стройности и женственности ног. Как же он мог решить, что Дикарка – еще ребенок, даже если видел ее лишь издали? – задавался Клифф бессмысленным вопросом.

– Вы что, болван? – закричала она на него. – Где Вудс?

Клифф перевел дыхание и почему-то улыбнулся, самообладание вернулось к нему.

– Мисс Кэпп, пожалуйста, не наводите на меня пистолет. Оружие заряжено? – очень спокойно спросил он.

Дикарка побледнела, будто только что узнала его.

– А, де Уоренн, – сглотнула она. Пистолет дрогнул в руке. – Вудс! Я должна видеть Вудса.

Выходит, она немного знает Клиффа. Тогда наверняка знает и то, что он не из тех, с кем можно вот так играть. А понимает ли она, что любой другой поплатился бы жизнью, если бы столь сумасбродно размахивал пистолетом перед его носом? Неужели она настолько храбра? Или просто глупа – и безрассудна? Улыбка Клиффа стала еще шире, хотя повода для веселья явно не было. Ему стоило как можно быстрее положить конец этой опасной ситуации, прежде чем Дикарке причинят боль или подвергнут ее аресту.

– Отдайте мне пистолет, мисс Кэпп.

Она упрямо тряхнула головой:

– Где он?

Клифф вздохнул – и метнулся к упрямыце. Раньше чем она успела это осознать, он схватил ее за запястье, и через мгновение пистолет был уже в его руках.

Глаза мисс Кэrr наполнились слезами, и де Уоренн понял, что это были слезы ярости.

– Будьте вы прокляты! – Она набросилась на него с кулаками, обрушивая гневные удары на его грудь.

Клифф отдал пистолет одному из настороженных солдат и снова схватил Дикарку за запястья, но уже более мягко, не желая причинить ей боль. Сила этой тростинки поразила его: она казалась такой худой, такой хрупкой, но на деле слабой не была. Однако, даже при всей ее силе, справиться с Клиффом она не могла.

– Пожалуйста, прекратите. Вы лишь навредите себе, – спокойно сказал он.

Пытаясь вырваться из его железной хватки, мисс Кэrr извивалась, словно дикая кошка, шипя и брызжа слюной, даже пыталась вцепиться в лицо своему недругу.

– Прекратите, – приказал Клифф, чаша терпения которого уже переполнилась. – Вам все равно не удастся одержать надо мной верх.

Глаза Дикарки неожиданно встретились с глазами ее соперника, и она вдруг утихомирилась, тяжело дыша. Их пристальные взгляды задержались друг на друге, и в душе Клиффа шевельнулось что-то вроде сострадания. Даже если мисс Кэrr было уже восемнадцать, он чувствовал, что во многих отношениях она все еще оставалась ребенком из-за своего довольно оригинального, далекого от общепринятых правил воспитания. Теперь Клифф ясно читал в ее глазах глубочайшее отчаяние, видел ее страх.

Завтра отец Дикарки должен быть повешен. А сегодня она решила обратиться к губернатору.

– Вы конечно же не думаете убить моего друга Вудса?

– Прикончила, если бы могла! – фыркнула она. – Но нет, я хочу отложить его убийство на один день!

Дикарка снова стала вырываться, хотя это было явно бесполезно.

– Я пришла, чтобы просить его о помиловании моего отца.

Сердце Клиффа, кажется, дрогнуло.

– Если я выпущу вас, будете вести себя спокойно? Я могу устроить вам аудиенцию у губернатора.

Надежда вспыхнула в глазах Дикарки. Она кивнула, судорожно облизнув пересохшие губы:

– Да, буду.

Клифф немного помедлил, сбитый с толку собственными странными эмоциями. Эти мысли были совершенно нехотены, но он продолжал гадать, сколько же лет мисс Кэrr. Разумеется, он не заинтересован ею, уж точно не как женщиной... Да и как это может быть? Она слишком юна, и она – дочь пирата.

Последней любовницей Клиффа была габсбургская принцесса, провозглашенная величайшей красавицей на Европейском континенте. А дочь ему подарила ныне покойная наложница, отличавшаяся экзотической красотой, которая содержалась в гареме берберийского князя. Рахиль была еврейкой, высокообразованной и интеллектуальной, одной из самых умных женщин, которых Клиффу когда-либо доводилось встречать. Он вообще был очень разборчив в отношении дам, которые делили с ним постель. Нет, де Уоренн не мог увлечься этой бродяжкой с безумными глазами, которая размахивала пистолетом так же органично, как другие женщины носили зонтики, прячась от солнца.

Сейчас Дикарка смотрела на него с безучастным выражением, что явно не сулило ничего хорошего. Его инстинкты обострились.

– Вы будете вести себя подобающим образом, – произнес он, и это был не вопрос, а утверждение.

Ее губы скривились в подобии улыбки, не выражавшей ни малейшего энтузиазма. А вот теперь Клифф всерьез встревожился. Кто знает, вдруг она спрятала другое оружие, возможно, под этой просторной рубашкой? Несмотря на то что Дикарка не была леди, де Уоренн считал неловким обыскивать ее.

– Мисс Кэрр, дайте мне слово, что будете вести себя учтиво и благопристойно, пока находитесь в доме губернатора.

Дикарка озадаченно взглянула на него, словно не понимала ни слова из того, что он сказал, но все-таки кивнула.

Клифф едва коснулся руки незваной гостьи, надеясь проводить ее в приемную, но она отдернула кисть, и он уже не пытался дотронуться до нее снова.

– Томас? Ты не возражаешь, чтобы выйти? Я хотел бы представить тебя мисс Кэрр.

Вудс прошествовал вперед, к порогу гостиной. Губернатор был мрачен, его лицо горело гневным огнем.

– Какая-то бродяжка преспокойно прошла мимо моих охранников? – не поверил он.

Клифф почувствовал, как нарастает раздражение друга.

– Она беспокоится о своем отце, ее можно понять. Я обещал, что ты позволишь ей говорить.

Но Вудс, похоже, не собирался вести беседы:

– Она напала на моих людей! Робардс, ты, часом, не пострадал?

Обычно этот британский солдат, охранник губернатора, пребывал в боевой готовности: вытянувшись в струнку, он стоял в холле. Его товарищ, другой военный, охранял вход в дом, занимая пост у парадной двери.

– Нет, сэр, – залился краской Робардс. – Губернатор, приношу вам свои извинения за это ужасное вторжение.

– Как же ей удалось проскочить мимо вас? – с недоверием осведомился Вудс.

Лицо солдата приобрело еще более насыщенный оттенок.

– Сэр, я не знаю...

– Я попросила их помочь найти моего бедного потерявшегося щенка, – объяснила Дикарка до смешного притворным, жеманным тоном, похлопав ресничками в сторону губернатора Вудса. Потом она зазывно покачала бедрами из стороны в сторону и пустила слезу. – Они были та-а-а-ак увлечены!

Клифф во все глаза смотрел на это представление, быстро меняя мнение о Дикарке. Она знала, как использовать свое очевидное женское очарование, чтобы обвести вояк вокруг пальца. Да она не так невинна, как казалось поначалу!

Вудс бросил в сторону дочери пирата холодный взгляд:

– Арестуйте ее.

Дикарка чуть не задохнулась от возмущения и потрясение посмотрела на Клиффа. Солдаты направились к ней, и изумление в зеленых глазах сменилось горьким укором.

– Вы ведь обещали!

Клифф шагнул вперед и заслонил Дикарку, преграждая путь солдатам и не давая им схватить ее.

– Не делайте этого, – очень спокойно предупредил Клифф. Он сказал это особым тоном, к которому прибегал, только когда собирался сделать нечто, имеющее по-настоящему ужасные последствия.

Оба солдата застыли на месте.

– Клифф! Она набросилась на моих людей! – возразил Вудс.

Дикарка резко обернулась к губернатору.

– А вы собираетесь повесить моего отца! – в ярости закричала она.

Клифф взял мисс Кэрр за руку, собираясь обуздать упрямцу, если потребуется, одновременно осознавая и свое неудержимое желание защищать ее.

– Томас, если память мне не изменяет, ты многим мне обязан и должен мне больше чем одно одолжение. Что ж, пришло время получить ответную любезность. Выслушай ее.

Взволнованный, Вудс удивленно посмотрел на друга.

– Черт побери, де Уоренн, – еле слышно сказал он. – Для чего тебе все это?

– Выслушай ее, – еще более мягко произнес Клифф. И это был приказ.

Лицо Вудса исказила гримаса отвращения. Он жестом пригласил Дикарку пройти в гостиную первой, перед ним.

Мисс Кэрр покачала головой, и ее прекрасные зеленые глаза проницательно сузились.

– Сначала вы, – холодно улыбнулась она. – Я никогда не пойду впереди своих врагов.

Клифф мысленно рукоплескал ее находчивости. И все же он по-прежнему беспокоился, не спрятала ли она где-нибудь другое оружие.

Вудс вздохнул:

– Робардс, можешь подождать здесь. А ты, Джонс, пожалуйста, вернись на свой пост у входной двери.

Когда оба солдата повиновались, губернатор мрачно прошел в приемную.

Мисс Кэрр собиралась последовать за ним, но Клифф заметил, как она старательно прячет хитрую улыбку, и ловко схватил ее за руку.

– Эй! Что это вы себе позволяете? – возмутилась Дикарка.

Очень тихо, так, чтобы Вудс не мог услышать, Клифф прошептал:

– У вас ведь нет с собой оружия, не так ли?

Она внимательно посмотрела на него:

– Я похожа на дурочку? Разумеется, у меня нет оружия.

Дикарка и глазом не моргнула, ни разу. Ее щеки не залились краской, ее твердый взгляд не дрогнул. И все-таки де Уоренн знал, без тени сомнения знал, что она лжет.

Он еще крепче сжал руку мисс Кэрр. Она принялась возражать, пытаясь вырваться, но он все так же твердо удерживал ее рядом.

– Прошу прощения, – решительно бросил Клифф, чувствуя, как вспыхнул до корней волос. Свободной рукой он провел по ее рубашке, коснулся талии, рассчитывая найти еще один пистолет, привязанный к телу. Но вместо этого лишь поразился, какой узкой была ее талия – ни грамма лишней плоти! Вероятно, эта талия уместилась бы в его сомкнутых ладонях, если бы, конечно, он попытался провести такое измерение.

– Уберите от меня свои лапищи! – чуть не задохнулась от негодования девушка.

Но Клифф не обращал внимания на протесты Дикарки, скользя рукой вдоль ее поясицы и стараясь не думать о том, чтобы спуститься чуть ниже... Она снова стала вырываться:

– Развратник!

– Успокойтесь! – прорычал он, ощупывая другой ее бок.

– Теперь вы довольны? – резко отозвалась Дикарка. Она была уже пунцовой от усилий, но вырваться никак не могла.

– Вы осложняете мою задачу, – начал объяснять Клифф и вдруг остановился. Что-то было закреплено под ее рубашкой на талии с левой стороны.

Дикарка в который раз попыталась вырваться из рук своего мучителя.

Он взглянул на нее, плавно провел ладонью под ткань и наткнулся на острое лезвие, привязанное веревкой к ребрам.

– Черт вас возьми! – прошипела она, не прекращая отчаянных попыток освободиться.

К изумлению Клиффа, стоило ему ухватиться за нож, как тяжелая, полная обнаженная грудь неожиданно опустилась ему на руку.

Дикарка на мгновение замерла, как и он сам.

– Ублюдок! – И она вновь дернулась, чтобы вырваться.

Де Уоренн постарался перевести дыхание, но был слишком возбужден. Под этой широкой бесформенной рубахой скрывалось пленительное тело, принадлежавшее сформировавшейся, зрелой женщине. Клифф сунул кинжал себе за пояс. Прошло еще мгновение, прежде чем к нему наконец-то вернулся дар речи.

– Вы солгали! – упрекнул он ее.

Дикарка метнула в него разъяренный взгляд и решительно зашагала за Вудсом в приемную.

Клиффу оставалось только надеяться, что у нее нет другого кинжала, привязанного где-нибудь еще, возможно на бедре. Он не мог понять собственной реакции на ее тело, столь стройное в одних местах и женственно пышное в других. Ему принадлежали сотни прекрасных, соблазнительных женщин, он давал волю вождению в подходящий момент, только когда сам того хотел. Клифф не был зеленым юнцом, он умел контролировать свою похоть. И он не хотел чувствовать ни малейшего признака возбуждения – сейчас или когда-либо еще – по отношению к Дикарке. Но собственное тело предало его.

Клифф был просто в ярости.

Он прошел в гостиную, оставив дверь открытой. Губернатор возжелал опуститься в огромное кресло, и теперь казалось, будто он сам обличен королевской властью, а не просто назначен короной на должность. Вудс дал понять, что мисс Кэрр может говорить, – его жест был резким, грубым и явно непочтительным.

Клиффа несколько не заботили манеры приятеля. Очевидно, Вудс уже составил свое мнение по этому вопросу, и ничего из того, что могла сказать или сделать Дикарка, не заставило бы его передумать.

Но она заплакала, слезы покатались по ее редкой красоты лицу. Клифф понимал, что это напускные, притворные слезы, порожденные лишь страхом и отчаянием.

– Дай же ей реальную возможность высказаться, – сказал он Вудсу.

– Мне это не нужно, – проворчал губернатор. Он был слишком зол.

– Пожалуйста, – прошептала Дикарка, ее голос звучал мягко и женственно, она смиренно просила, сжимая руки у груди, словно в молитве. Из-за этого жеста рубашка натянулась, подчеркнув форму удивительно пышного бюста. Клифф тут же устоял на соблазнительные формы, не в силах думать ни о чем другом, точно так же, как и Вудс, который явно старался не поддаваться ее очарованию.

– Милорд, мой отец – единственный, кто у меня остался. Он хороший человек, сэр, хороший отец. И знаете, на самом деле он – не пират. Он – плантатор, и вы можете отправиться в Белль-Мер, чтобы убедиться в этом лично. У нас один из лучших урожаев зерновых за многие годы!

– Думаю, мы с вами отлично знаем, что он много раз занимался пиратством, – сурово отрезал Вудс.

Слезы сбегали по прекрасному лицу Дикарки, она опустилась на колени. Клифф напрягся всем телом: лицо просительницы оказалось на одном уровне с коленями губернатора. Понимает ли она, насколько провокационна ее поза?

– Он никогда не был пиратом, вы ошибаетесь, сэр! И присяжные ошиблись! Он был капером. Он работал на Британию, охотясь на пиратов – точно так же, как капитан де Уоренн. Если вы помилуете его, он больше не отправится в плавание, никогда!

– Мисс Кэрр, пожалуйста, встаньте. Мы с вами прекрасно знаем, что ваш отец не имеет ничего общего с лордом де Уоренном.

Дикарка не двинулась с места. Ее полные пухлые губы задрожали. Даже если бы мисс Кэрр поднялась с колен и выпрямилась в полный рост, это зрелище все равно казалось бы настолько соблазнительным, что его невозможно было бы игнорировать. Но она стояла на коле-

нях, словно умелая шлюха перед готовым раскошелиться клиентом. Вудс откровенно пилился на ее рот. Лицо губернатора стало напряженным, темные глаза буквально почернели.

Клиффу все больше не нравилось происходящее.

– Я не могу потерять отца, – хрипло прошептала Дикарка. – Если вы даруете ему прощение, он будет повиноваться закону, как святой. И я... – она запнулась и облизнула губы, – я буду настолько признательна, сэр, навеки благодарна вам, сделаю все... независимо от того... что вы попросите.

Глаза Вудса расширились от изумления, но он не двинулся с места.

«Неужели она могла бы продать свое тело ради отца?» – догадался Клифф. Он схватил Дикарку за руку и резко дернул, заставив подняться на ноги.

– Полагаю, довольно.

Мисс Кэрр метнула в него огненный, смертоносный взгляд:

– Ваше присутствие здесь не требуется! Оставьте меня в покое! Я говорю с губернатором! Занимайтесь своими делами!

– Это сильно напоминает гнусное предложение себя, – сказал Клифф, ощущая закипающую ярость. Он снова дернул ее за руку. – Замолчите.

Де Уоренн обернулся к Вудсу:

– Томас, почему бы не помиловать Кэрра? Если его дочь нам не лжет, он бросит свои морские скитания. В противном случае обещаю, что лично арестую его.

Вудс медленно поднялся с кресла. Он бросил быстрый взгляд на Клиффа, потом его цепкие глаза вновь остановились на Дикарке. Она дрожала, хотя уже стояла, расправив плечи, а не молила на коленях.

– Я обдумываю ваше предложение, мисс Кэрр.

Ее глаза удивленно округлились, точно так же, как и глаза Клиффа.

– Обдумаете?

– Я намереваюсь провести в этих раздумьях ночь, – с ударением на последнее слово произнес губернатор и замолчал, давая словам возможность дойти до сознания присутствующих.

Клифф тут же понял, что он имеет в виду – и стал мертвенно-бледным от ярости.

Но Дикарка была не так искушена в речах, как собеседники, ей потребовалось время, чтобы уловить смысл сказанного. Осознав его, она еще больше выпрямилась и покраснела.

– В таком случае могу ли я дожидаться вашего решения прямо здесь?

– Конечно, – наконец-то снизошел до улыбки губернатор.

Клифф подошел к Вудсу вплотную.

– Надеюсь, я по-прежнему могу считать тебя другом, – лаконично бросил он.

Губернатор удивленно поднял брови.

– Убежден, ты сам воспользовался бы подвернувшимся моментом. А теперь тебе почему-то вздумалось охранять ее целомудрие? – Его явно забавляло происходящее.

Похоже, именно этим Клифф и занимался – охранял целомудрие Дикарки.

– Полагаю, миссис Вудс по-прежнему в Лондоне?

– Нет, она во Франции. – Губернатора нисколько не смутило упоминание о жене. – Ну, довольно, Клифф, успокойся. Мы прервем это обсуждение, вернемся к нашему отложенному ланчу, а мисс Кэрр пока отдохнет и подождет моего решения.

– Прошу прощения, но у меня пропал аппетит, – сказал де Уоренн и обернулся к Дикарке. – Пойдемте.

Она стояла в отдалении и выглядела очень юной, очень мрачной – и очень решительной. Сейчас эта девчонка, возможно, была на пути к виселице.

Она покачала головой:

– Я остаюсь.

– Черта с два, – все так же притворно мягко, тихо сказал Клифф.

Слезы навернулись ей на глаза – теперь уже не притворные, а самые настоящие.

– Убирайтесь отсюда, де Уоренн. Оставьте меня в покое.

Клифф колебался, борясь с самим собой. В конце концов, почему он так беспокоится? Дикарка казалась совсем юной, но, возможно, она уже не невинна – это можно допустить, если принять во внимание образ жизни, который она вела. Он ведь не был ее защитником.

– Ты же слышал, что сказала... дама, – мягко произнес Вудс. – Она не пострадает, Клифф. В сущности, она наверняка получит удовольствие.

Отвратительные картинки замелькали в воображении де Уоренна. Вудс, обнимающий Дикарку, безжалостно терзающий ее худенькое и все же такое соблазнительное тело.

Клифф долго пытался успокоить сбившееся дыхание, а когда снова смог говорить, взглянул на губернатора:

– Не делай этого.

– Почему? Она – красotka, меня не отталкивает даже исходящий от нее отвратительный запах.

Дикарка пахла морем, и Клифф не находил в этом аромате ничего неприятного.

– Она надеется на помилование.

– А ты ее герой, воинствующий защитник? – Эта ситуация по-прежнему веселила Вудса.

– Я не желаю быть чьим-либо защитником, – резко отозвался Клифф.

– Прекратите говорить обо мне так, будто меня здесь нет! – вдруг прикрикнула мисс Кэрр на них обоих.

Клифф медленно обернулся к ней.

– Пойдемте со мной, – сказал он. – Вам не нужно этого делать.

Она воззрилась на него, бледная как полотно.

– Я должна спасти отца.

– Тогда заключите письменный контракт – ваши услуги взамен помилования губернатора, – отрывисто бросил он.

Дикарка, казалось, была озадачена:

– Я не умею читать.

Клифф издал странный резкий звук и обратился к Вудсу:

– И как ты сможешь дальше жить с самим собой, если это произойдет?

Губернатор покачал головой:

– Господи, Клифф, она всего лишь дочь пирата!

Де Уоренн обернулся к Дикарке, но она не пожелала встречаться с ним взглядом и стояла, сложив руки на груди. Клифф был взбешен – ею, Вудсом, даже самим собой. И он предпочел гордо удалиться, оставив мисс Кэрр и губернатора предаваться пылающей страсти.

На небе собрались облака, свежий бриз с большой скоростью налетал с моря. Спэниш-Таун находился в дюжине миль от побережья, Клифф добрался сюда в экипаже, не по воде, но он знал, что в такую погоду набегают волны и день обещает быть удачным для отплытия. На самом деле именно этого он сейчас и хотел – лететь по волнам на всех парусах.

В висках Клиффа пульсировала кровь. Что ж, неужели теперь он может с полным правом сбежать отсюда? Капитан угрюмо потер лоб. Дикарка – уже не его забота.

Правда, эта отчаянная девчонка так ничего и не поняла, потому что во многих отношениях была еще слишком наивной. Она думала расплатиться за амнистию отца своим телом, но Вудс собирался лишь воспользоваться ею, Кэрр все равно отправился бы на виселицу.

Клифф считал Ямайку своим домом. И хотя проводил здесь всего несколько месяцев в году, он слыл одним из самых влиятельных жителей острова, и весьма немногое здесь происходило без его позволения. Если бы Клифф присутствовал во время пленения Кэрра, он обязательно добился бы того, чтобы его дело не переросло в судебный процесс. Но разбирательство началось, и новости об этой истории попали не только в местную газету, но и разползлились по

газетам других островов. Даже американская пресса сообщила об осуждении пирата. Теперь уже было слишком поздно – отменить смертную казнь не представлялось возможным.

Кроме того, Вудс был сильным, решительным губернатором. Лишь немногие были лучше его, а большинство гораздо хуже. Клифф поддерживал его смелую политику, заключавшуюся в попытках подавить кубинских пиратов. И независимо от того, что произошло сейчас, де Уоренну необходимо было остаться с Вудсом в хороших, дружеских отношениях. У них было слишком много общих интересов.

«Прошу вас, сэр, умоляю не отнимать у меня отца, – вдруг зазвучали в ушах Клиффа слова Дикарки. – Он хороший человек, хороший отец, он – единственный, кто у меня есть на этом свете!»

Ей ни за что не удастся спасти отца, и уж точно не следует ложиться в постель Вудса. Клифф обернулся, задумчиво глядя на впечатляюще огромные парадные двери под белым дворцовым фронтоном Королевского дома. Черт побери, нужно действовать!

Де Уоренн зашагал обратно к резиденции:

– Мне снова нужно видеть губернатора.

Робардс недовольно посмотрел на него:

– Прошу прощения, капитан. Губернатора запрещено беспокоить сегодня днем.

Клифф озадачился, но лишь на мгновение.

– Дело не может ждать. – Неосознанно он снова перешел на мягкий, но от этого еще более угрожающий тон.

Молодой солдат покраснел.

– Сэр, мне очень жаль... – затянул он.

Клифф положил руку на эфес шпаги, торчавший из ножен. Он красноречиво взглянул на Робардса и, пройдя мимо него, распахнул входную дверь. Тишина дома окутала Клиффа, и он понял, что мисс Кэrr и Вудс уединились. Его сердце бешено заколотилось. Он знал, что все основные комнаты дома располагались на первом этаже, в том числе и личные покои губернатора. Поскольку Вудс предпочел не откладывать решение участи Дикарки на потом, Клифф сомневался, что они все еще сидели в комнате для гостей. Нет, губернатор наверняка привел ее в свои апартаменты – Клифф был уверен в этом.

Между тем Робардс мчался за ним к началу коридора:

– Сэр! Пожалуйста!

Клифф невесело улыбнулся солдату и захлопнул дверь прямо перед его носом. Потом капитан справился с замком и прошел по коридору, наслаждаясь мгновением покоя перед предстоящим ему ожесточенным сражением. Он от души упивался этим чувством. Затишье перед бурей...

В резиденции по-прежнему царил оглушительная тишина. Забираясь в глубины дома, Клифф представлял, как обнаженные, горячие тела губернатора и Дикарки переплелись, как Вудса переполняют похотливые желания... В душе Клиффа нарастал безмолвный гнев.

Де Уоренн никогда не был в личных покоях губернатора, но знал, что Королевский дом построен полсотни лет назад, и предполагал, что апартаменты находились в западном крыле резиденции, как во многих зданиях георгианского стиля.

Двигаясь по западному коридору, Клифф поочередно толкнул четыре двери – все они оказались открытыми и скрывали за собой свободные комнаты для гостей. Лишь подойдя к двери в самом конце коридора, Клифф услышал тихий мужской смех.

Горячая кровь ударила де Уоренну в голову. Он повернул ручку, широко распахнул дверь – и тут же увидел их.

Вудс стоял посередине спальни, прямо перед кроватью с пышным балдахином. Он успел скинуть пиджак, жилет и рубашку, обнажив мускулистый торс. Брюки губернатора были растянуты, выставляя напоказ его мужское достоинство.

Дикарка стояла у кровати, на ней был накинут мужской шелковый халат сапфирово-синего цвета. Одевание было распахнуто, оно откровенно демонстрировало ее худые золотистые бедра, плоский живот и сочные груди. На лице Дикарки застыло глубочайшее отчаяние, но одновременно на нем читалась твердая решимость. Понятно, что она ни за что не собиралась отступить от задуманного.

Клифф молился, чтобы он не слишком опоздал.

Де Уоренн направился к Вудсу, который был настолько поглощен мыслями о своей жертве, что не заметил давнего приятеля, пока кулак того не взлетел вверх. Вудс вскрикнул, но Клифф тут же отшвырнул его назад, к стене. Удар был столь неожиданным и сокрушительным, что сластолюбец скатился вниз и рухнул как подкошенный, словно потеряв сознание.

Клифф переступил через распластанное тело Вудса и схватил его за волосы, запрокидывая голову. На капитана взглянула пара ошеломленных глаз.

– Высшему обществу понравились бы подобные сплетни, как ты считаешь? – взревел Клифф. Это была импульсивная, но идеальная угроза: Вудс заботился о безупречной репутации, и его жена наверняка пришла бы в ярость, прознай она хоть что-то об этом скандальном поведении.

– Мы же... друзья! – еле выдохнул губернатор.

– С этого момента – нет. – Клифф с превеликим трудом сдерживался от желания ударить его снова.

И тут он услышал, как Дикарка задыхается. Бросив бывшего приятеля, он стремглав понесся к ней. Мисс Кэрр стояла на четвереньках, пытаясь успокоиться и справиться с сильным спазмом. Клифф опустился на колени и нежно обнял Дикарку, с ужасом осознавая, что ее полуобнаженное тело оказалось совсем близко, а заодно не давая себе забыть о том, что Вудс, вероятно, успел воспользоваться девушкой самым презренным, самым грубым образом. Она медленно подняла на своего спасителя зеленые, как у кошки, глаза – огромные, полные страдания, молящие...

Клифф надеялся, что самое страшное еще не произошло.

– Я заберу вас отсюда, – мягко сказал он.

Но Дикарка покачала головой, безмерно удивив Клиффа.

– Оставьте меня... – отрывисто прошептала она.

Страстно желая прикончить своего бывшего друга, де Уоренн нежно покачал ее лицо в ладонях.

– Послушайте меня! – отрывисто бросил он. – Вудс не собирается даровать прощение вашему отцу, независимо от того, что вы сделаете или сколько раз вы это сделаете! Вы меня понимаете?

– Но это мой единственный шанс спасти отца! – все еще задыхалась она.

Клифф понял, что у бедняжки от волнения перехватило горло. Он поднял ее на руки и снова изумился, когда она прильнула к нему. Теперь де Уоренн уже ясно отдавал себе отчет в том, как сильно хочет защитить Дикарку, но по-прежнему не мог забыть о ее распахнутом халате и нежных грудях, которые прижимаются к его торсу. Капитан мельком бросил взгляд на влажное сокровище между ее бедрами.

– У вас не было ни малейшего шанса, – резко бросил он, унося мисс Кэрр из спальни.

В коридоре Клифф остановился, вдруг осознав, что солдаты наверняка стоят у входной двери, а он сам только что напал на губернатора. Как поступить в такой ситуации? Если бы они решили бежать, пришлось бы спешно отступать через окно. По иронии судьбы, после произошедшего у де Уоренна не осталось возможностей для маневрирования в области политики. Вудс, судя по всему, уже не считает его другом, но Клиффу все равно придется сотрудничать с ним, если он хочет оставаться влиятельным жителем острова... Погруженный в свои мысли, капитан очнулся, почувствовав, что его ноша подозрительно притихла.

Клифф взглянул на мисс Кэrr. Она смотрела на своего спасителя, ее руки по-прежнему обвивали его шею. Лицо Дикарки горело румянцем.

Цепкий взгляд де Уоренна переместился к ее прекрасной груди, затем скользнул по стройному телу, маленькому розовому пупку и треугольнику цвета шампанского пониже. Да, Клиффа называли пиратом, но прежде всего он был джентльменом, поэтому резко перевел взгляд на лицо мисс Кэrr, чувствуя, как зарделись его собственные щеки. Одной рукой он неловко поддержнул халат, чтобы хоть как-то запахнуть его.

– Сильно пострадали от Вудса? – особо не церемонясь, спросил он.

– Не могли бы вы опустить меня? – попросила Дикарка вместо ответа.

Он тотчас же исполнил ее просьбу.

Прелестница улыбнулась Клиффу, а потом вдруг с неожиданной силой ударила его по голени, оттолкнула и бросилась наутек.

Ошеломленный, он сумел догнать Дикарку, но она была проворна, быстра и решительна. Дерзкая девчонка увернулась от его железной хватки и помчалась по коридору, халат развеивался за ее обнаженным телом, как флаг. Клифф не поспевал за ней, к своему ужасу осознавая, какая сумятица творится в его душе. Он едва ли хотел участвовать в подобной истории, но чувствовал, что это только начало. Когда он добрался до входной двери, там уже никого не было.

Дикарка сбежала.

Глава 2

Аманда пронеслась через двери террасы, промчалась по патио. Королевский дом занимал целый городской квартал, у здания было два внутренних двора. Она устремилась вниз по длинной белой каменной лестнице и оказалась в саду. Здесь девушка споткнулась, не сумела удержаться на ногах и с размаху рухнула на колени. Ее стало мутить. К счастью, обошлось без рвоты – страх за отца обернулся серьезным недомоганием, вот уже несколько дней Аманда не могла взять в рот ни крошки. Бедняжка растянулась на густой влажной траве, наконец-то дав себе волю поплакать от души.

Ее охватил ужас. Завтра в полдень отца повесят. Их последним шансом было добиться приема у губернатора и молить его о помиловании. Аманда не собиралась предлагать Вудсу свое тело, но, когда он стал смотреть на нее так же плотоядно, как моряки и местная шушера, она инстинктивно поняла, *что* должна делать. В конце концов, Аманда частенько видела, как женщины жеманничают, соблазняя ее отца, чтобы выманить брошь или отрез шелка.

Существовал лишь один способ, с помощью которого представительница прекрасного пола могла что-нибудь заполучить от мужчины, и Аманде он был прекрасно известен. Она воспитывалась среди моряков и воров, а из женщин хорошо знала лишь маркитанток да шлюх. Мир, в котором она росла, был основан на жестокости и сексе.

И все-таки она не отдала свое тело Вудсу, а все потому, что Клифф де Уоренн помешал ей это сделать.

Аманда горестно вздохнула, ее сердце защемило. Почему он вмешался? Де Уоренн был величайшим капером своего времени, таким же богатым и влиятельным, как король. Никто не мог совладать с ним в открытом море – даже ее отец утверждал это. И поговаривали, де Уоренн был столь же опасен и на суше...

«Отец!» Сердце Аманды уже горевало, и она напонила себе о том, что самый близкий человек пока еще жив. Горе и страх переплелись в душе несчастной дочери, оказав мощное воздействие, сравнимое с приемом опиума – как-то раз, прежде чем отец осознал, что произошло, ей дали попробовать этот наркотик. Погрузившись в раздумья, она села, подтянув халат, чтобы надежнее прикрыться. Перед глазами Аманды возникла ужасная картина: Родни Кэрр, ее отец, перерезает горло пирату, который задумал дать ей наркотик и совратить ее.

Когда отец был рядом, он всегда защищал Аманду от похотливых, желавших ее мужчин. Он же обучил дочь, как не дать себя в обиду, орудуя шпагой, пистолетом и кинжалом, так что она могла постоять за себя и тогда, когда отца поблизости не оказывалось. Морские путешествия Родни нередко длились месяцами, и каждый раз он старался оставлять дочери достаточно запасов, чтобы она не голодала – особенно если вдруг ему придется задержаться в плавании. Он был хорошим отцом, а сейчас Аманда подвела его – того, кто всегда был для нее опорой, оплотом всей жизни. В этот важнейший момент, когда решался вопрос его жизни и смерти, она не смогла помочь!

Мысли лихорадочно роились в голове Аманды, она отчаянно искала другой способ спасти Родни. Некоторое время назад любящая дочь уже отказалась от идеи попробовать ворваться в тюрьму и помочь отцу бежать. Большинство членов его команды погибло в сражении с английским офицером, захватившим судно отца «Аманда К.», а те, кто остались в живых, сейчас тоже томились в застенках, ожидая виселицы.

Если она не могла освободить отца силой, возможно, ей стоит вернуться в тот дом, к Вудсу?

Аманду снова стало тошнить. Импульсивно она собиралась сделать то, что обычно делают в кризисных ситуациях все женщины, но, боже праведный, какие же неприязнь и отвращение она чувствовала по отношению к тому, что почти произошло! Несмотря на то что

Аманде довелось своими глазами увидеть чуть ли не все существующие способы полового акта – или, по крайней мере, она так думала, – собственного сексуального опыта у нее не было. Она даже никогда не целовалась. Родни Кэrrр доступно объяснил, что любому мужчине, который посмеет хотя бы пальцем притронуться к его дочери, он перережет горло, а мужское достоинство наглеца будет брошено в море на корм акулам.

Подумать только, де Уоренн спас ее!

Аманда крепко обхватила руками колени, прижав их к груди, не в силах отогнать от себя мысли, которые так и лезли в голову. Самоотверженное поведение капитана потрясло ее. Почему он вмешался? Все, кого знала Аманда, вели себя благоразумно и эгоистично – таков был закон выживания. Незнакомые люди никогда не помогали друг другу. Да и с чего они должны были это делать? Мир казался слишком опасным, чтобы осмелиться обратиться за помощью к постороннему. Так почему же де Уоренн спас ее от губернатора Вудса?

Сердце Аманды никак не хотело успокаиваться. Она с усилием сглотнула, вспоминая недавние события. В памяти воскресло и то, как де Уоренн смотрел на нее – гораздо более дерзко и бесстыдно, чем это когда-либо делал любой нагловатый моряк.

Аманда была слишком расстроена, но ее сердце стало биться с безумной скоростью. Смущенная, она обхватила ладонями свои пылающие щеки. Де Уоренн чересчур смело разглядывал ее обнаженное тело, но он точно так же глядел на нее и в тот момент, когда она вошла в Королевский дом и на ней была одежда. Аманда не могла припомнить никого – ни мужчину, ни женщину, – кто смотрел бы на нее такими же цепким, пронизательным взглядом. Аманда знала, что никогда не сможет забыть этот взгляд – хотелось бы еще понимать, что он в себе таил...

Разумеется, она знала де Уоренна. А кто его не знал? Мощная фигура капитана сразу бросалась в глаза, когда он стоял на квартердеке ее любимого судна, 38-пушечного фрегата «Прекрасная леди». Громадный, высокий мужчина с львиной гривой волос – его нельзя было не заметить. К тому же всем вокруг было известно, что за свою короткую, десятилетнюю карьеру капера де Уоренн взял в плен более сорока пиратов. В Вест-Индии пока еще никому не удалось превзойти его рекорд.

Сердце Аманды по-прежнему лихорадочно билось. Она была смущена, встревожена, сбита с толку. Почему такому человеку, как де Уоренн, вздумалось помогать ей? Он был больше чем просто капером. Несмотря на то что в городе Аманда слышала хихиканье разряженных высокомерных леди о том, что де Уоренн – скорее пират, чем джентльмен, вряд ли можно было доверять этим сплетням. Пираты казались омерзительно-отталкивающими, с их зловонным дыханием, отсутствовавшими зубами и нематыми телами. Пираты не знали пощады в бою, они бездумно лили кровь и выпускали кишки повсюду, хотя, когда дело доходило до клятв в верности, лучших друзей было не найти. Пираты носили запачканную одежду, никогда не мылись и частенько захаживали к самым уродливым ведьмам и шлюхам.

А от капитана де Уоренна исходил аромат моря, смешанный с причудливым запахом каких-то азиатских специй и островного манго. Хотя он носил огромные шпоры с золотом и рубинами и, подобно некоторым пиратам, золотую сережку в одном ухе, его одежда выглядела безупречно. Все вокруг знали, что матерью одного из его незаконнорожденных детей была настоящая принцесса. За де Уоренном прочно закрепилась репутация дамского угодника, но его любовницами были не шлюхи и ведьмы – о нет, их полная противоположность! А почему бы и нет? Он был сыном графа. В жилах де Уоренна текла поистине королевская кровь.

И даже она сама, та, которая никогда не смотрела на мужчину с оттенком восхищения – исключая, разумеется, отца, – не могла не признать, что де Уоренн невероятно красив.

Аманда почувствовала, как вспыхнула от смущения. Она еще слишком хорошо помнила, как оказалась в объятиях де Уоренна, когда он нес ее на руках из покоев губернатора. Но

почему она думала об этом – или просто о нем? Сейчас ее должно было заботить совсем другое: нужно было освободить отца прежде, чем его повесят.

Аманда в полной мере осознала, что вариантов действия у нее просто не осталось. Если она не могла силой вытащить отца из тюрьмы, если ей не удалось соблазнить Вудса, продав свое тело в обмен на помилование, что же еще можно было сделать?

Приступ удушья вновь сдавил горло несчастной дочери. Что там сказал де Уоренн? Нужно припомнить точнее...

«Почему бы не помиловать Кэрра? Если он не бросит свое пиратство, обещаю, что арестую его сам».

Аманда вскочила на ноги. Де Уоренн может помочь ей – он должен это сделать!

Уиндсонг высился над кингстонской гаванью – огромный, правильной формы белый каменный особняк, который Клифф начал строить пять лет назад и наконец-то довел до ума в прошлом году. Украшенные балюстрадами террасы выступали над гаванью позади дома, тогда как впереди лестница с двух сторон особняка вела к еще одной веранде и впечатляющего вида парадному входу, выполненному из белого мрамора. Одинаковые флигели располагались по обе стороны особняка, по бокам возвышавшегося над ними главного дома высотой в три этажа.

Клифф мог стоять у парапета террасы с северной стороны особняка, откуда на всю длину просматривалась Кинг-стрит, но он любил бывать на южной веранде, потягивая лучший ирландский виски и наблюдая за прибывающими судами. Вот и теперь де Уоренн оказался там, приказав дворецкому принести выпивку, но на сей раз его взгляд не блуждал по морю, а был направлен в сторону Порт-Ройял. Там, вдали, он мог различить кирпичные стены форта Чарльз. Клифф вскинул подзорную трубу.

Суденышко «Аманда К.» стояло неподалеку на якоре, его корабельные снасти были повреждены, мачты – сломаны. Это был маленький девятипушечный шлюп⁶, когда-то достаточно быстрый для того, чтобы опережать большинство морских судов, а теперь безнадежно разбитый, не подлежащий ремонту. Несчастный корабль летал по морским просторам не под смертоносным пиратским флагом с черепом и костями, а под британским триколором.

Клифф опустил подзорную трубу. Он не желал забивать себе голову размышлениями о судьбе Кэрра или его дочери. Обвиненный в пиратстве Кэрр находился в Спэниш-Таун, ожидая завтрашнего приведения приговора в исполнение. Хотелось бы Клиффу знать, где сейчас Дикарка... Она сбежала слишком быстро, исчезла в одно мгновение, будто призрак.

Де Уоренн все еще отчетливо помнил ощущение ее стройного и упругого, но одновременно такого женственного тела в своих руках – хотя и клял себя на чем свет стоит, желая это забыть.

– Папа! Папа!

Услышав счастливый крик своей обожаемой дочери, Клифф обернулся, просяив от радости, и все мысли о сумасбродной женщине-ребенке вылетели у него из головы.

Ариэлла была чудесной шестилетней девчушкой с огромными блестящими синими глазами, оливковым цветом лица и удивительными золотистыми волосами. Благодаря экзотической внешности она была потрясающе красива, и каждый раз, глядя на нее, Клифф ощущал прямо-таки благоговейный трепет от того, что этот изумительный ребенок – его.

– Иди ко мне, моя милая!

Но Ариэлле не нужно было звать, она и так уже неслась по террасе прямо в объятия отца. Он рассмеялся, подхватил на руки и высоко поднял ее, а потом крепко прижал к себе. Девочка была одета словно маленькая английская принцесса – в самое нарядное шелковое платьице,

⁶ Шлюп – малый парусный корабль со скудным вооружением, не требовавший командира в звании «капитан».

стоившее целое состояние, маленькую шейку украшала нитка превосходного жемчуга. Клифф опустил дочь, и она спросила:

– Ты ходил сегодня под парусом, папа? – Ариэлла казалась очень серьезной. – Ты обещал, что возьмешь меня с собой, когда в следующий раз отправишься в плавание.

Клифф не мог сдержать улыбку. Ариэлла могла притворяться столько, сколько хотела, но он отлично знал, что дочурка не любила плавать.

– Я не забыл, моя милая. И я не ходил под парусом. У меня были дела в Спэниш-Таун.

– Приятные дела?

Улыбка Клиффа немного померкла.

– На самом деле они были не самыми радостными. – Он нежно накрутил на палец прядь ее золотистых волос. – Это был хороший день для мореплавания. Сколько у нас сегодня узлов?

Ариэлла поколебалась, покусывая губу:

– Десять?

Клифф вздохнул:

– Восемь, дорогая, но ты была близка к истине.

Он знал, что дочь сказала это наобум.

– Я должна уметь оценивать скорость бриза, чтобы плавать с тобой?

– Нет, не должна, твой брат вполне может справиться с этим. Мне не стоит пытаться сделать из тебя моряка.

Ариэлла не выказывала особенной любви к морю, хотя терпела водную стихию как способ проводить больше времени с отцом. Сын капитана был полной ее противоположностью. Но у Клиффа не было поводов разочаровываться в своей далекой от мореплавания дочери: у Ариэллы был самый любознательный, самый пытливый ум из всех, с кем ему когда-либо приходилось иметь дело. В сущности, она могла провести целый день, погрузившись в книгу, и Клифф не знал, что ему с этим делать – гордиться или тревожиться.

– Скоро, моя милая, ты будешь путешествовать по свету со своим отцом.

– Но только я, не Алекси! Мы его с собой не возьмем, – недовольно надула губки девочка.

Клифф покачал головой, удивленный ее ревностью.

– Он – твой брат, дорогая, и, разумеется, отправится с нами. Он – настоящий, прирожденный моряк. Он поможет мне управлять кораблем, будет вести судно за нас.

Ариэлла просияла улыбкой:

– Я выучила четыре новых созвездия, о которых ты рассказывал мне, папа. Ночь будет хорошей, мы сможем как следует рассмотреть звезды. Могу я показать их тебе попозже?

– Конечно.

Что и говорить, у Клиффа росла замечательная дочь! В свои шесть она умела складывать и вычитать быстрее, чем отец, была знатоком в умножении и постепенно постигала деление. Клифф начал учить с дочерью созвездия, и ее способность распознавать различные звезды поразила его. Фактически Ариэлла могла всего за несколько минут запомнить что-то, увиденное лишь раз, мельком. Она бегло говорила на латыни и в ближайшее время должна была с тем же успехом освоить французский язык. Что же касалось чтения, то тут Ариэлла на несколько уровней опережала своего старшего брата.

Клифф наконец-то бросил взгляд в сторону дома, где давно уже стояла гувернантка дочери – ее стройная фигура была так плотно укутана тканью, что нельзя было рассмотреть лица, все ее тело было завернуто в оранжевый и синий шелк.

– Ариэлла выполнила все свои задания на сегодня?

Де Уоренн взглянул на дочь и подмигнул ей. Девочка была настолько умна, что, несомненно, прошла недельный объем своей учебной программы за один день.

– Да, милорд. Как всегда, она в этом преуспела.

Анахид, гувернантка, говорила на безупречном английском, но с сильным армянским акцентом. Она была рабыней матери Ариэллы. Вся эта история была трагической, за исключением одного подлинного чуда – дочери Клиффа. Мать Ариэллы, Рахиль, была еврейкой, когда-то она вместе с отцом отправилась к Земле обетованной. Корсары напали на их корабль и убили всех, кто не представлял для них ни малейшей ценности, включая отца Рахиль. Бедняжка попала в рабство, но местный принц был мгновенно сражен ее красотой и сделал Рахиль своей наложницей. Клифф тоже попал под влияние чар прекрасной рабыни, когда торговался с ее господином, князем Рохаром. Капитан прекрасно понимал, что, осмелившись на подобную любовную связь, обрекает себя на смерть, но не мог противиться чувствам. Их романтическая история была недолгой, но еврейская любовница, с ее достоинством и изяществом, тронула сердце Клиффа глубже, чем любая другая из его предыдущих женщин. Де Уоренн и понятия не имел, что Рахиль забеременела от него.

Именно Анахид удалось передать Клиффу письмо спустя шесть месяцев после рождения Ариэллы. Рахиль казнили, когда выяснилось, что у ее дочери голубые глаза – стало слишком очевидно, что отцом ребенка был не хозяин рабыни. Клифф готовился без промедления пойти на штурм крепости Рохара, но это оказалось уже ненужным. С помощью золота де Уоренна Анахид подкупила охранников князя и выкрала Ариэллу из гарема, сумев сбежать вместе с девочкой из дворца. С тех пор гувернантка жила в доме Клиффа. Капитан знал, что Анахид готова умереть за его дочь, да и сводного брата Ариэллы, Александра, она любила почти с той же неистовой силой. Клифф даровал Анахид свободу спустя всего несколько дней после того, как она покинула побережье Берберии.

Он никогда не видел лица Анахид, даже мельком.

– А как успехи Алекси сегодня?

Клифф почувствовал, что гувернантка улыбается.

– Он справился с заданиями не так хорошо, как Ариэлла, милорд. Сейчас он по-прежнему в классной комнате, изо всех сил старается дописать свои буквы.

– Хорошо.

Алекси был очень сообразительным, но для успешной учебы ему не хватало усидчивости, которой отличалась Ариэлла. Мальчик живо интересовался фехтованием, верховой ездой и, разумеется, судами своего отца.

– Напомните ему, что завтра в семь часов мы занимаемся фехтованием – разумеется, если он сделает все свои уроки.

Анахид кивнула, жестом подзывая к себе Ариэллу. Девчушка взглянула на отца и состроила недовольную гримаску, явно не желая уходить:

– Папа?

– Иди, дитя мое... – Клифф осекся, заметив, как в дверном проеме появился его дворецкий.

Де Уоренн даже представить себе не мог, что могло вызвать на лице Фитцуильяма, обычно будто высеченном из камня, такое странное выражение. Неужели его бессердечный слуга был на самом деле чем-то взволнован?

– В чем дело, Фитцуильям?

– Сэр. – На лбу дворецкого выступила испарина. А ведь этот человек никогда не потел, невзирая на вечные печло и влажность, даже в те дни, когда температура воздуха превосходила привычные значения.

– Что-то не так? – Клифф вышел из угла террасы.

– Там... – Дворецкий закашлялся. – Там... посетитель... сэр, если вы пожелаете... спуститься вниз.

Клифф был озадачен.

– Судя по вашей реакции, это должна быть сама смерть с косой, – предположил он. – У него или у нее есть визитная карточка?

Де Уоренн вдруг вспомнил красотку с площади Спэниш-Таун. Он почти не сомневался, что пришла именно она – утолить свою похоть, – и все же на мгновение представил в своей постели Дикарку.

Что, черт возьми, с ним творится? Он грезит о сумасбродной женщине-ребенке, и не важно, что она оказалась намного красивее всех леди, которых ему до сих пор доводилось встречать! При самом удачном раскладе ей от силы восемнадцать лет, если не шестнадцать.

– Посетитель... – Фитцуильям глотнул, явно находя нечто неприятное в этой ситуации, – ожидает в красной комнате. Если вы, конечно, пожелаете видеть ее...

Выходит, к нему в гости пожаловала брюнетка с площади. Странно, но Клифф чувствовал разочарование и досаду.

– Я не принимаю сегодня, – решительно отрезал он. – Выставьте ее.

Фитцуильям удивленно сощурился, ведь его хозяин никогда прежде не был столь краток и груб.

Клифф вспыхнул от раздражения.

– Я хочу сказать, возьмите ее визитную карточку, и пусть идет, откуда пришла.

– У нее нет визитной карточки, сэр.

Слабое подозрение зародилось в душе Клиффа. Взволнованный, он отвернулся от дворцового. У всех леди были визитные карточки.

– Как это? – удивился он.

Фитцуильям лихорадочно облизнул губы:

– Она настаивает на встрече с вами, сэр, и еще у нее кинжал, которым она угрожала мне!

Дикарка... Клифф направился в дом, прошел по начищенному до блеска дубовому паркету, спустился по широкой центральной лестнице, покрытой темно-красной ковровой дорожкой, и оказался в холле. Это было огромное помещение с высокими потолками, хрустальной люстрой размером с рояль и полами из серо-белого мрамора, привезенного из Испании. Красная комната располагалась в самом дальнем конце холла.

На пороге комнаты, глядя на него, стояла дочь Кэрра.

При виде гостя сердце Клиффа невольно забилось чаще, заставив его еще больше встревожиться. Де Уоренн быстро подошел к Дикарке, заметив, что она очень бледна, хотя прежде ее лицо отливало золотистым загаром, а глаза безумно горят, будто у бывшего солдата в разгар яростного сражения. Он взял себе на заметку, что с этой девчонкой нужно держать ухо востро и стараться лишний раз ей не доверять. Клифф не сразу поймал себя на том, что почему-то заговорил с ней резким, грубым тоном:

– Вы возвращались в Королевский дом?

Дикарка покачала головой:

– Нет.

Боже, у Клиффа будто гора с плеч свалилась! К нему постепенно вернулось его обычное самообладание.

– Мисс Кэрр, простите меня. Пожалуйста, присядьте. Могу я предложить вам чем-нибудь подкрепиться? Чай? Печенье?

Дикарка уставилась на гостеприимного хозяина с таким изумлением, словно у того вдруг выросла вторая голова:

– Я должна простить вас?

Де Уоренн вдруг взглянул на себя со стороны и понял, в каком смехотворном виде, должно быть, сейчас предстал – нужно быть по-настоящему слабоумным, чтобы просить прощения у этого дикого, неискушенного в правилах хорошего тона ребенка. Понимает ли эта

девчонка, что его манеры были просто недопустимыми? Так или иначе, но Клифф улыбнулся ей и счел нужным объяснить:

– Мое приветствие было в высшей степени неподобающим. Джентльмен всегда кланяется леди. Ему стоит сказать «Добрый день» или «Доброе утро» или справиться о ее делах.

Дикарка зевнула:

– Я – не леди. А вы чересчур болтливы.

Де Уоренн пропустил ее замечание мимо ушей:

– Не хотите ли чаю?

– Немного чаю? – Дикарка вдруг превосходно скопировала британский акцент прирожденной знати, высшего общества. – Думаю, нет, – продолжила она свою искусную имитацию. – Я бы предпочла грог. – Теперь девчонка растягивала слова, подражая морякам. – Если он у вас есть.

Клиффу оставалось только гадать, на самом ли деле гостя желала горячительного или всего лишь надеялась спровоцировать его на реакцию, немного побесить.

– Ваша имитация просто великолепна, – заметил Клифф. Он то и дело прохаживался мимо Дикарки, пристально глядя на нее. Мисс Кэрр не двигалась и не моргала с тех пор, как он вошел в комнату. Она стояла в оборонительной позе и все-таки по-прежнему умудрялась выглядеть воинственно. Тот самый кинжал, которым она угрожала дворецкому, скорее всего, был заткнут за пояс ее бриджей и спрятан под свободной, как туника, рубашкой. Зачем она пришла? Клифф думал, что знал это и причина визита заключалась не в ее желании запрыгнуть к нему в постель.

Щеки Дикарки зарделись румянцем.

– Я вас не понимаю! Вы знаете, что я не умею читать – вы слышали, как я говорила об этом. Я не знаю и красивых сложных слов.

Клифф почувствовал, как смягчается его душа.

– Прошу прощения. «Имитация» значит «подражание». У вас превосходный слух.

Она пожала плечами:

– Мне все равно.

Клифф пытался успокоить, приободрить мисс Кэрр, но его старания явно шли прахом. Де Уоренн предположил бы, что Дикарка подавлена видом его величественного особняка, который был ничуть не меньше Королевского дома, а обставлен даже с большей роскошью, если бы она не сводила с него лихорадочный взгляд зеленых глаз с тех самых пор, как он вошел в холл.

– Что я могу для вас сделать?

Выражение лица госты стало еще более напряженным.

– Освободите моего отца.

Что ж, Клифф был прав. Он попытался вежливо улыбнуться ей:

– Пожалуйста, сядьте.

Дикарка упрямо тряхнула головой:

– Я постою.

– Как же, по вашему мнению, я могу освободить вашего отца?

– Вудс – ваш друг. Заставьте его отпустить моего отца. – В ее невероятно ярких глазах мелькнуло отчаяние.

Клифф внимательно посмотрел на нее:

– Сейчас мы с Вудсом вряд ли питаем теплые чувства друг к другу, а если бы и были расположены более приятельски, это бы ничего не изменило. Все зашло слишком далеко. На этом острове действуют законы. Присяжные рассматривали дело вашего отца и сочли его виновным. Мне очень жаль, – добавил он, несколько не кривя душой.

Из глаз мисс Кэрр хлынули слезы.

– Тогда помогите мне устроить побег отца.

Клифф ослышался – или все же нет?

– Мы можем сделать это. Точнее, вы можете сделать это – у вас команда, пушки, пистолеты!

Он был ошеломлен:

– Вы хотите, чтобы я напал на здание судебной тюрьмы?

Дикарка кивнула, но, даже подтвердив сказанное, явно стала колебаться, слезы катились по ее щекам. Без сомнения, она понимала, что в своих настойчивых просьбах в лучшем случае выдавала желаемое за действительное.

– Мисс Кэрр, я сожалею, что вашего отца осудили. Хотелось бы мне, чтобы все обернулось иначе... Но я – не пират. И не бандит. Каждое каперское свидетельство, которое я принял, было выдано британскими властями – я никогда не поступаю вразрез с их интересами. Я лишь преследую врагов Британии.

– Вы – моя единственная надежда, – прошептала Дикарка.

В этот момент Клиффу больше всего на свете хотелось ей помочь. Но он не мог напасть на британскую тюрьму и вытащить оттуда обвиненного в пиратстве.

Ее плечи безнадежно поникли.

– Тогда он умрет.

– Мисс Кэрр... – затянул Клифф, собираясь утешить ее, но не имея ни малейшего представления о том, как это лучше сделать. Если бы гостья была леди определенного сорта, он бы увлек ее на диван и целовал – бессмысленно, иступленно, – пока она не забыла бы о своем несчастье. Он доставлял бы ей удовольствие снова и снова, подавляя мысли о страшной действительности. Но Дикарка не относилась к числу леди определенного сорта, скорее казалась совсем еще невинной. В это мгновение она выглядела очень юной.

Мисс Кэрр горестно покачала головой и метнулась прочь из комнаты.

Но на сей раз Клифф был готов к такой реакции. Он настиг Дикарку за пару шагов, помешав ей покинуть холл.

– Подождите! Куда это вы направляетесь? Что собираетесь делать?

Мисс Кэрр взглянула Клиффу прямо в глаза.

– Тогда я сделаю это одна, – решительно произнесла она. Слезы текли по лицу несчастной дочери пирата, и она смахивала их так резко, хлопками, что на щеках оставались ярко-красные следы.

Клифф крепко взял Дикарку за плечи:

– Мисс Кэрр, уж не хотите ли вы, чтобы обвинения в преступлении выдвинули и против вас? Жаждете оказаться на виселице?

Но она была настроена агрессивно.

– Они меня не повесят – не смогут казнить, если я скажу, что ношу под сердцем ребенка!

Клифф застыл на месте:

– Вы что, беременны?

Дикарка с раздражением взглянула на него:

– Не думаю, что это вас касается! А теперь позвольте мне уйти. Пожалуйста.

Клифф почему-то знал, что мисс Кэрр редко произносит это слово. Он отпустил ее плечи.

– У меня много гостевых комнат, – сказал де Уоренн, рассчитывая предложить Дикарке одни из этих апартаментов, чтобы у нее, по крайней мере, была крыша над головой. Клифф уже решил, что завтра должен будет помочь мисс Кэрр пережить весь этот ужас, а потом отправит дочь казненного пирата в сиротский приют Святой Анны или в Британию, если у нее действительно есть там родственники.

– Почему бы вам не провести ночь здесь? В качестве моей гостьи, разумеется, – поспешил добавить Клифф.

Она смотрела на него округлившимися от изумления глазами, не произнося ни слова. Дикарка подумала, что он хочет воспользоваться ею точно так же, как пытался сделать это Вудс, мрачно мелькнула в голове Клиффа догадка.

– Вы неверно поняли смысл сказанного, – холодно произнес он. – Я предлагаю к вашим услугам личные апартаменты, исключительно для вас.

Она в волнении облизнула губы:

– Вы тоже... хотите... разделить со мной постель?

Клифф вспыхнул от возмущения:

– Я пытаюсь объяснить вам, что у меня нет подобного намерения!

– Если вы поможете моему отцу сбежать, можете спать со мной когда угодно и где угодно.

Мне все равно. – Она залилась краской стыда.

Он не верил своим ушам.

– Даю вам свое слово – слово де Уоренна, – что у меня только самые благородные намерения!

– Я не могу понять и половины ваших причудливых речей, – воскликнула она, – но это я уяснила. Если вы не хотите спать со мной, то я не нуждаюсь в вашей милости.

И Дикарка гордо прошествовала по холлу.

На этот раз Клифф позволил ей уйти. Позже, ворочаясь в кровати без сна, он никак не мог отогнать воспоминания о прошедшем дне.

Была только середина ночи, но луна сияла почти полным светом, а тысячи звезд висели в темном небе, яркие и мерцающие. Воздух оставался душным и тяжелым, он ласкал кожу влагой. Аманда вцепилась в железные прутья решетки камеры, в которой сидел ее отец. Она проникла снаружи через лаз, вырытый под оградой тюрьмы, – ей уже не в первый раз удавалось попадать сюда подобным способом.

– Папа...

Из глубины погруженной в ночной мрак камеры послышалось шуршание.

– Папа, – умоляющим голосом позвала Аманда, задыхаясь от страха. В этот день умерла их последняя надежда, и она со всей ясностью сознавала это.

– Аманда, девочка моя! – Родни Кэrrр появился в окне, это был рослый, крупный мужчина с косматыми светлыми волосами и более темной бородой.

Аманда уже не могла сдерживать рыдания.

– Черт побери, девочка, не плачь из-за меня! – вскричал Родни. Его кулаки сжались вокруг прутьев решетки так сильно, что суставы пальцев побелели.

Как же она его любила! Отец был всем ее миром. Но сейчас он злился, и Аманда знала это. Он ненавидел слезы. И все же отец не мог ударить ее сейчас, когда их разделяли железные прутья.

– Я пыталась, папа, пыталась, – хныкала несчастная дочь. – Я старалась убедить Вудса помиловать тебя, но он этого не делает.

Родни спал с лица.

– Я не смогу справиться с этим, папа! Я не вынесу, если тебя казнят!

– Прекрати немедленно! – заорал он, наверняка разбудив других заключенных. Аманда тут же перестала плакать. – Послушай меня, девочка. Ты старалась и сделала все, что в твоих силах. Я горжусь тобой, действительно горжусь. Любой отец мечтал бы о такой хорошей, преданной дочери.

Аманда задрожала. Похвала из уст Родни была большой редкостью. Она знала, что отец любил ее сильно, неистово, поскольку и для него она была всем миром – после судна и его команды, но они никогда не говорили о каких-либо чувствах, и меньше всего о любви.

– Ты гордишься мной, – потрясенная, эхом отозвалась Аманда.

– Конечно горжусь. Ты сильная и смелая. Ты никогда не отступала в схватке с противником. Не уронила ни единой слезинки, когда тебе серьезно доставалось. Девочка, я так жалею о тех временах! Мне жаль, что тебе приходилось уживаться с моим грубым характером. И очень жаль, что я не смог дать тебе чудесный дом с английским садом, полным роз.

Аманда вдруг осознала, что это их последняя встреча – иначе отец никогда бы не говорил с ней так.

– Мне все равно, что ты бил меня. Да и как еще я научилась бы отличать ошибочное от правильного? К тому же ты чаще всего промахивался, ведь мне удавалось быстро уворачиваться. – Аманда чувствовала, как слезы катятся по ее щекам. – И мне никогда не был нужен сад с розами, – наполовину солгала она.

Казалось, его глаза блеснули в темноте.

– Все женщины мечтают о розах, девочка моя. Когда я встретил твою маму, у нее был сад, полный роз. Сейчас она, должно быть, живет в Лондоне, но и там у нее есть сад. Именно так живут люди благородного происхождения.

Значит, теперь они будут говорить о ее матери? Аманда родилась в Сент-Мавес, близ Корнуолла, и жила там со своей матерью, Дульсией Стрейтферн Кэрр, до четырех лет. Мама вышла замуж за Родни, когда он был бравым молодым лейтенантом королевского флота, еще бесконечно далеким от пиратства. Но, превратившись в жулика, Родни как-то приехал в Корнуолл, умоляя Дульсию отпустить дочь с ним. Дульсия отказала – она слишком сильно любила Аманду, чтобы вот так легко ее отдать. И тогда Родни забрал девочку силой, вырвав из рук рыдающей матери, и отправил ее на острова. Домой Аманда так с тех пор и не вернулась.

Жизнь с отцом была для нее всем. Родни боялся везти Аманду в гости к ее матери – всерьез опасался, что власти могут посадить его в тюрьму за то, что он когда-то сделал.

– Ты ведь все понимаешь, девочка моя, не так ли? Ты знаешь, почему я так поступил?

Конечно, Аманда понимала. Она любила отца и не могла себе представить, как бы росла в Корнуолле. Но ей было бесконечно жаль, что она совершенно не помнила мать. Отец говорил, что та была элегантной и благовоспитанной, настоящей леди, и столь прекрасной, что у поклонников просто перехватывало дыхание от ее красоты. Обычно Родни заводил разговоры о прошлом и о Дульсии в состоянии сильного подпития, и каждый раз его повествование оканчивалось слезами. Кэрр никогда, ни на одно мгновение не переставал любить жену и хотел, чтобы Аманда с той же силой обожала мать, пусть и на расстоянии. Мечтал, чтобы дочь знала: ее мать женщина особенная.

Аманда часто размышляла о том, что чувствовала ее мать после всех этих лет разлуки. Между ними не было никакой связи, ни одного письма, хотя отцу как-то удалось раскопать информацию о том, что его супруга теперь живет в Лондоне, в красивом доме под названием Белфорд-Хаус.

Аманда гадала, почему же сейчас Родни стал взхлеб говорить о розах, о матери...

– Розы не имеют для меня никакого значения, папа. И ты, разумеется, знаешь это.

Родни внимательно посмотрел на дочь:

– Ты должна отправиться к ней, девочка моя. Дульсия позаботится о тебе, когда меня не станет.

– Не говори так! – в отчаянии закричала Аманда. – Еще не наступило завтра, еще не полдень!

– Уже завтра, черт побери, скоро рассвет! Мама будет счастлива видеть тебя снова. Аманда, девочка, у тебя наконец-то будет прекрасный дом. Ты можешь стать настоящей леди, а не дочерью отродья вроде меня.

Аманда в изумлении смотрела на отца, разрываясь между страхом и тревогой. Конечно, она фантазировала о том, как однажды увидит свою мать, как ее заключит в объятия самая красивая, самая безупречно воспитанная на свете женщина, от которой будут исходить спо-

койствие, тепло и любовь. В этих фантазиях Аманда превращалась в леди, как ее мать, и они вместе потягивали экзотический чай в благоухающем саду, полном цветущих роз.

Но Аманда была здравомыслящей девушкой. Ее домом был остров, ее жизнью – отец. И хотя у Кэрров была ферма, они перебивались грабежом, а их хозяйство составляли краденые вещи. Да, у них была корова, и Аманда доила ее, и все-таки девушка оставалась дочерью пирата. Она никогда не отправилась бы в Англию и никогда не смогла бы встретиться со своей матерью. И естественно, Аманде никогда не приходило в голову даже пытаться вести себя как леди, не говоря уже о том, чтобы на самом деле стать ею – разве что в глупом полете воображения.

Отец что, совсем спятил?

– Я не леди – и никогда не смогла бы быть такой. Я люблю остров. Это мой дом! Я люблю ходить под парусами, люблю море! – в настоящей панике продолжала возражать она.

– И в этом я узнаю свою дочь, – отозвался Родни, в его голосе зазвучали гордость и печаль. – Боже, девочка моя, не знаю, о чем я думал, когда учил тебя плавать на своем маленьком судне и палить из пушки, фехтовать лучше любого мужчины, стрелять из пистолета и чинить паруса. Ты поднимаешься на мачту быстрее моих лучших матросов. Но ты – девушка, а не парень! Тебе следовало оставаться с матерью. Теперь я это понимаю.

– Нет! – Аманда протянула руку через прутья решетки и схватила руку отца. – Папа, я люблю тебя!

Родни отдернул руку и погрузился в молчание.

Аманда из последних сил пыталась снова не заплакать, но это сражение с самой собой ей суждено было проиграть.

– Пообещай мне, – наконец нарушил тишину отец, – что, когда меня не станет, ты поедешь к матери. Здесь у тебя никого больше нет. Аманда, ты должна отправиться к Дульсии.

Аманда пришла в ужас. Как она могла дать подобное обещание? Ее мать была настоящей леди. А она, Аманда, дочерью пирата. Бедняжка верила, что мать любила ее когда-то, но с тех пор много воды утекло... Аманда очень боялась, что теперь мать не захочет с ней знаться.

– Я твой отец и осужденный на смерть человек, – в ярости вскричал отец. – Черт возьми, ты должна слушаться меня!

Она знала, что, не разделяя их прутья решетки, Родни ударил бы ее.

– Ты еще не умер. Возможно, случится чудо!

Он фыркнул:

– Чудес не бывает!

– Сегодня произошло чудо, – воскликнула Аманда. – Клифф де Уоренн спас меня от...

Она резко осеклась.

Родни взглянул на дочь так пристально, что она ясно увидела его глаза в темноте.

– Он – что?

– Он спас меня... Я пыталась соблазнить губернатора... – одними губами прошептала Аманда.

Резко выбросив руку через решетку камеры, Родни ударил ее по голове, причем довольно сильно.

– Ты не шлюха, черт побери! Если и была одна вещь в моей жизни, которую я сделал правильно, так это то, что я сохранил тебя невинной. Ты должна подарить свою девственность хорошему мужчине – своему мужу! – в бешенстве заорал он.

Аманда вцепилась в прутья решетки, переждав, пока звезды, завращавшиеся в ее голове, не потускнели и не исчезли. Потом она втянула воздух ртом, все еще шатаясь от тяжелого удара.

– Я пыталась спасти тебя, папа.

Но отец, казалось, не слышал ее оправданий.

– Де Уоренн – джентльмен, не говоря уже о том, что у него есть определенное влияние. Ты попросишь его отправить тебя в Англию. Он – тот, кому ты можешь доверять.

Аманда совсем пала духом. Ее отца вот-вот повесят, и если это его последнее желание, ничего не остается, как повиноваться.

– Он странный. – Аманда сама удивилась, услышав, что медленно размышляет вслух. – Почему он, посторонний человек, стал помогать мне? Почему так рьяно боролся с собственным другом?

– Все эти аристократы поступают так потому, что они становятся еще благороднее, еще могущественнее в своих глазах, проявляя милосердие по отношению к бедному спившемуся отребью вроде нас. Поступая так, вся эта «голубая кровь» ощущает себя еще выше и влиятельнее. Он подает тебе милостыню, и ты должна принять ее, девочка, – объяснил Родни. – И плевать на твою ужасную гордость!

Он немного поколебался, а потом сказал нечто странное:

– Де Уоренн заметил, что ты – красавица?

Эти слова потрясли Аманду. За все ее семнадцать лет отец никогда не упоминал о том, что считает дочь красивой. Но теперь он говорил о ней так, будто она действительно очень привлекательна, совсем как ее мать.

– О чем ты, папа? Я совсем не красавица! Я тощая, кожа и кости, да еще с жалкими волосиками крысиного цвета. Я ношу мальчишескую одежду. И еще у меня очень странные глаза. Все так говорят.

Но Родни и не думал шутить:

– Этот де Уоренн смотрит на тебя так же, как тот чертов турок на Силиции?

Аманда помедлила, не зная, стоит ли признаваться.

– Может, и смотрит, но это ровным счетом ничего не значит!

Родни с шумом выдохнул. После длинной, мрачной паузы он серьезно сказал:

– Де Уоренн – тот, кто отвезет тебя к матери. Думаю, Аманда, я могу ему доверять. Он – джентльмен.

И отец снова замолчал.

Аманда чувствовала, что он хотел сказать что-то еще.

– Он – джентльмен, но что дальше, папа? О чем ты недоговариваешь?

Родни пристально посмотрел на дочь:

– Я бы не возражал, если бы он решил удержать тебя при себе хоть на какое-то время.

Глаза Аманды в изумлении распахнулись.

– Что??? Ты имеешь в виду, в качестве своей любовницы?

– Он богат, как Крез, и он – сын графа! – взревел Кэрр, с силой ударив кулаком по стене. – Я всегда хотел, чтобы ты удачно вышла замуж, но теперь, когда меня казнят, я не знаю, как это устроить. Теперь тебе придется поехать к матери, но ты не видела ее долгие годы...

Аманду начало колотить. Перед ее мысленным взором предстало сильное, бронзового оттенка лицо де Уоренна, его пристальный взгляд, такой необычайно глубокий, такой удивительно пронизательный, будто способный проникнуть в ее сознание, ее душу. Аманда вспомнила, как де Уоренн уносил ее из покоев Вудса. Смущенная, она напряглась всем телом. Дочь пирата была готова подарить ему свою девственность – или, по крайней мере, не сильно возражала бы сделать это. А еще этот аристократ казался добрым.

«Я, должно быть, ошибаюсь», – думала Аманда, которую уже била дрожь. Конечно, жена пекаря с Куин-стрит бесплатно давала ей черствый хлеб, а парень, который убирался в аптеке, был очень мил, но больше никто на этом свете не относился к ней по-доброму. Возможно, де Уоренн и спас-то Аманду только для того, чтобы совратить ее, даже невзирая на то, что она не относилась к числу благородных леди, которых он обычно предпочитал. В конце концов, разве он не пытался оставить ее в собственном доме в Кингстоне?

– Папа, де Уоренн никогда не захотел бы сделать меня своей любовницей. Его возлюбленные гораздо красивее меня.

– Тебе лишь нужно убедиться в том, что он возьмет тебя на свое судно и доставит к матери, – угрюмо произнес Родни. – Я так хотел оставить тебе что-то, Аманда, и не скопил ничего, черт возьми, ни единого фунта! Мне очень жаль...

Сердце у Аманды сжалось: ее отец ни разу в жизни ни за что не извинялся, а сейчас уже во второй раз говорил ей, насколько сожалеет.

– Не стоит извиняться, – яростно запротестовала Аманда. – Ты – лучший отец, который только может быть у девушки!

Она говорила чистую правду, и слезы невольно снова хлынули из ее глаз.

– Я старался, действительно старался быть хорошим отцом! – задыхался Родни, тоже неспособный сдерживать рыдания. – Девочка, тебе пора идти!

Аманда очнулась и увидела, что небо над крышей здания суда окрасилось ярко-оранжевым. Солнце всходило – уже был рассвет.

– Нет! – в отчаянии закричала она.

Еще несколько секунд, и ей придется уйти. В следующий раз она увидит своего отца уже на виселице.

– Тебе лучше уйти, девочка моя, пока они не поймали тебя здесь и не узнали о лазе, который ты вырыла под забором, – охрипшим голосом уговаривал Кэрр.

Нет, ее отец не может быть казнен, этого просто не должно случиться... Аманда никогда всерьез не размышляла о том, верит ли в Бога, но теперь иступленно молилась.

– Папа, позволь мне остаться! Мне все равно, найдут ли меня. – Она в отчаянии потянулась к решетке.

Отец немного помедлил, потом крепко сжал ее руку.

О господи! Его рука была теплой, сильной, мозолистой, в рубцах. Много лет назад какой-то шотландец в шумной ссоре отрубил ему один из пальцев, лезвие добралось до мякоти ладони. Но Аманда сжимала искалеченную кисть, будто держась за остатки своей – и его – жизни.

Сжимала, потому что знала: стоит отпустить, и она никогда больше не сможет взять отца за руку.

В самый последний момент он вскочил на своего лучшего чистокровного коня и пронесся галопом всю дорогу до Спэниш-Таун. Теперь Клифф пристально разглядывал толпу, собравшуюся под жарким полуденным солнцем на площади между Королевским домом и зданием суда. Леди в великолепных нарядах с белыми зонтиками от солнца и хорошо одетые джентльмены с тростями беззаботно прогуливались рядом с виселицей под тенью высоких пальм, легкомысленно болтая в ожидании начала главного «развлечения». Небрежно одетые моряки потягивали грог и тискали своих шлюх, несколько матросов танцевали с проститутками под быструю ямайскую мелодию, которую наигрывал темнокожий уличный скрипач. Компания мальчишек бросала камни в подмостки виселицы, словно это было яблочко мишени. Они зло хохотали, да и вообще вели себя просто скверно.

Клифф отвернулся, внимательно изучая другую сторону площади. Полк солдат вытянулся по стойке «смирно» перед зданием суда, другие военные патрулировали периметр площади на тот случай, если заключенный решит бежать. Сердце Клиффа тревожно забилось, он ощутил прилив адреналина. Где же она?

Всего считанные минуты остались до того момента, как Кэрра под конвоем поведут навстречу судьбе. Клифф был уверен в том, что Дикарка будет присутствовать на казни.

За всю ночь де Уоренн не сомкнул глаз, мучимый навязчивой идеей о тяжелой доле отца этой безрассудной девчонки и ее участии в ужасной драме. Он подозревал, что Дикарка не

смирится с ролью зрителя в этот день, но что она могла задумать? Клифф знал одно: он не позволит ей загубить свою жизнь вслед за жизнью отца. Де Уоренн собирался остановить Дикарку, если она попытается спасти Кэрра – раньше, чем это сделают солдаты.

Внезапно Клифф спиной почувствовал чей-то тяжелый взгляд. Обернувшись, он посмотрел в западном направлении от Королевского дома. На верхнем этаже роскошного здания было распахнуто огромное окно. Там стоял Вудс, вглядываясь в место действия внизу.

Клифф резко отвернулся. Краем глаза он увидел, как один из мальчишек швырнул булыжник в основание виселицы и безжалостно рассмеялся. И вдруг он услышал тихий сдавленный звук, напоминающий женское рыдание.

Цепкий взгляд Клиффа скользнул к подножию виселицы. Там он увидел сжавшуюся тоненькую фигурку в лохмотьях с копной серебристых волос. Разъяренный, Клифф зашагал через толпу, грубо отпихнув нескольких джентльменов. Толпа расступилась, гуляки поняли, что он взбешен и настроен весьма решительно. Завидев его приближение, мальчишки перестали бросать камни в бедняжку, затихнув и побледнев. Де Уоренн схватил одного из хулиганов за рубашку и отшвырнул его в сторону.

– Я еще поквитаюсь с тобой сегодня, – предупредил Клифф.

Ставший мертвенно-бледным парень прошептал:

– Она – всего лишь дочь пирата.

Де Уоренн ударил юного негодяя по плечу, достаточно сильно для того, чтобы отправить его в полет. Остальные мальчишки помчались прочь, а их заводила медленно пополз через толпу. Наконец этот жалкий трус вскочил на ноги и тоже унесся следом за приятелями.

Клифф опустился на колени:

– Мисс Кэрр?

Дикарка сидела, втиснувшись под настил из досок, на котором вот-вот должны были накинуть петлю на шею ее отца, позади одной из толстых деревянных ножек конструкции. Ее колени были подтянуты к груди, а глаза, неестественно яркие и распахнутые, горели огнем, будто в лихорадке. Дикарка выглядела очень маленькой и испуганной – крошечное существо, прячущееся от опасного мира. Душа Клиффа растаяла от жалости.

– Пойдемте, – сказал он мягким шепотом, надеясь убедить ее, и протянул руку.

Мисс Кэрр покачала головой, по ее лицу покатились слезы.

Боже праведный, возможно, Дикарке лучше оставаться здесь, под виселицей, потому что так она не сможет стать свидетельницей казни собственного отца... И все-таки Клифф хотел увести мисс Кэрр подальше от площади и смертной казни – боялся, что если не сделает этого, в самый последний момент она выскочит из укрытия и увидит то, что не в состоянии вынести ни одна женщина.

– Пожалуйста, выходите. Я увезу вас подальше от этого места, – снова попытался уговорить Клифф, его тон был вкрадчивым, просящим.

Она во все глаза, не мигая, смотрела на него. По щеке скатилась еще одна слеза.

Сердце Клиффа дрогнуло.

– У вас нет ни малейшего повода оставаться здесь. Разрешите мне забрать вас отсюда. – Ему вдруг пришла на ум блестящая идея. – Я возьму вас на свое судно. Я собираюсь отправиться в плавание к Сен-Китт, сегодняшняя погода благоприятствует путешествию.

Ее глаза засверкали, становясь яснее.

– Хороший, умеренный бриз, а море такое приятное и ласковое, – уговаривал он.

Дикарка в нерешительности облизнула губы.

– Я разрешу вам... – Клифф запнулся. Его квартердек был местом священным. – Я разрешу вам взойти на свою палубу. Ну же, пойдемте, дорогая.

Слезы хлынули из глаз Дикарки. Она вдруг кивнула, протянув Клиффу руку, и он потянулся к ней. Как только кончики их пальцев соприкоснулись, толпа взревела – это был насто-

ящий взрыв звука, – а потом раздались язвительные смешки. Дикарка вскрикнула, резко дернувшись назад, теперь Клифф уже не мог дотянуться до ее кисти. Он поднял глаза наверх и увидел, как солдаты вывели Кэрра из здания суда.

Хор недобрых насмешек нарастал, сопровождаясь жестокими, пошлыми колкостями.

– Пират уже позабавился от души – теперь настала наша очередь!

– А давайте, когда он умрет, выпустим из него всю кровь и покрасим ею наши палубы!

– Как думаете, он будет просить пощады? Умолять о помиловании, как жалкий трус?

– А давайте заставим его умолять – зададим парню веселенькую трепку перед казнью!

Клифф с трудом выносил эти насмешки, ощущая, как буквально заболевает на глазах, – это чувство посещало его крайне редко. Он обернулся, смерив пристальным взглядом дочь Кэрра, и быстро сказал не терпящим возражений тоном:

– Мы немедленно должны отсюда уйти.

Словно уловив слова де Уоренна в неистовом гомоне, Дикарка принялась на четвереньках протискиваться к нему. Клифф снова потянулся к ней, но эта девчонка была так чертовски проворна, что сумела пригнуться и перекатиться под его рукой. Де Уоренн тут же повернулся, чтобы опять попробовать схватить Дикарку, но она быстро вскочила на ноги и понеслась по направлению к Кэрру, пытаясь справиться с давящей со всех сторон толпой.

– Папа!

В этот момент Кэрр ступил на площадь в окружении конвоя. Услышав голос дочери, он на мгновение застыл на месте.

– Убирайся отсюда, Аманда! – что есть мочи заорал он.

Клифф подоспел тут же, он схватил непокорную Дикарку сзади, сомкнув обе руки вокруг нее. Но несчастная дочь пирата, казалось, даже не заметила этого.

– Папа! – снова закричала она.

Кэрр встретился взглядом с Клиффом, и молчаливое согласие между мужчинами было достигнуто.

– Уведите ее отсюда, де Уоренн.

Клифф кивнул, все еще удерживая Дикарку в своих железных объятиях, пока она яростно вырывалась, пытаясь добраться к отцу.

– Не заставляйте меня бросать вас на плечо и уносить силой, – кратко бросил Клифф.

Но она, казалось, не слышала.

– Папа, я люблю тебя!

Приблизившись к помосту виселицы, Кэрр помедлил:

– Я тоже люблю тебя, девочка.

Аманда обмякла, безвольно повиснув в руках Клиффа. Солдаты уже подталкивали Кэрра в спину карабинами, заставляя его подняться на пять ступенек, к помосту. Глядя вниз на лицо Аманды, Родни видел, как она чутко следила за каждым его движением, рыдая – теперь уже беззвучно. Клифф не знал, как еще уговорить дочь пирата уйти, и уже было собирался действительно перебросить ее через плечо, когда Кэрр сказал:

– Девочка! Обещай мне, что ты отправишься в Англию, к своей матери.

Аманда покорно кивнула и прокричала:

– Я обещаю! Обещаю... – уже одними губами повторила она, задыхаясь от ужаса.

Конвоиры подтолкнули Кэрра к петле и грубо, не церемонясь, набросили ему на глаза повязку.

Аманда зарыдала.

Клифф отреагировал моментально, даже не думая. Он повернул Дикарку лицом к себе, крепко прижав к своему громадному телу так, что ее щека оказалась у его груди.

– Не двигайтесь, – предостерег Клифф, словно пытаясь окутать хрупкую фигурку Аманды своими объятиями и бережно поддерживая ее за затылок. Он почувствовал, как ее слезы пропитали рубашку на его груди.

Клифф посмотрел вверх. Петля уже обвилась вокруг шеи Кэрра. Толпа одобрительно загудела, послышался хохот, из глубины людского моря полетели камни, будто дождем осыпая приговоренного к смерти.

Чувствуя нарастающее отвращение, Клифф отвел взгляд. Он зарылся лицом в волнистые волосы Дикарки, невольно прикасаясь к ним губами. Она дрожала будто лист на ветру. Клифф принялся отступать назад, уводя с собой бедняжку, и тут толпа оглушительно заревела.

Аманда отпихнула своего утешителя, пытаясь обернуться, чтобы увидеть место казни.

Но Клифф еще крепче сжал ее в объятиях, не давая повернуть головы ни на дюйм, полный решимости не позволить Дикарке и краешком глаза взглянуть на отца, задышавшегося в предсмертной агонии. Некоторые казни через повешение проходили быстро и милосердно, другие – нет, жертва висела в петле несколько тянувшихся бесконечно минут, пока не ломалась ее шея. На этот раз Клифф услышал громкий треск и возблагодарил Бога за то, что смерть Кэрра была почти мгновенной.

В этот момент Аманда лишилась чувств в его объятиях.

Глава 3

– Она мертва.

Похоже, это сказал какой-то мужчина. О чем это он?

Аманда изо всех сил пыталась понять смысл его слов. Высокий золотоволосый мужчина вдруг возник перед ней, его лицо было напряженным, а синие глаза пугали ярким блеском. Она определенно знала этого человека, но никак не могла понять, кто он. Потрясенная, она внезапно осознала, что мужчина из ее грез говорит о ней.

– Она мертва.

– Нет, она жива – просто спит.

– Она не двигается. Она умерла.

Аманда почувствовала, как впадает в панику. Она что, на самом деле умерла? И что это за люди, которые спорят о ней? Аманда стала приходить в себя, осознавая, что находилась в тисках странного, мучительного сна. Она не была мертва, она просто спала. Аманда попробовала потянуться, но ее тело было слишком слабым, чтобы реагировать, прямо-таки разбитым. И все же ложе, на котором она лежала, восхитительно качнулось и тут же вернулось в прежнее состояние, легко, словно божественный кокон. Ни одна кровать в мире не была такой мягкой и такой прочной одновременно.

Куда же она попала?..

– Никто не спит весь день напролет. Она мертва, Ариэлла, мертва! Ну, видишь?

Аманда резко дернулась, когда кто-то грубо схватил ее за ногу через мягкое, пушистое одеяло. Изумленная, она открыла глаза, щурясь от яркого света комнаты. И тут же встретила с парой блестящих синих глаз и озорной усмешкой. Аманда вскрикнула от неожиданности.

– Я же говорила тебе, что она жива, – сказала смотрящее на нее милое существо.

Аманда медленно села, преодолевая сопротивление измученного тела, и уставилась на другого ребенка, маленького мальчика с темными волосами и удивительно знакомыми синими глазами. Он смотрел куда-то мимо кровати.

– Конечно, она не мертва! Она спала с тех пор, как папа принес ее в дом. И я знал это! Я провел тебя, не так ли?

– Нет, не провел!

Аманда огляделась, силясь понять, где находится. Она лежала в огромной кровати из черного дерева, украшенной замысловатой резьбой, с балдахином, под туманно-голубым пологом. Окончательно сбита с толку, Аманда увидела камин, облицованный белой каменной плитой, на которой были выгравированы виноградные лозы. Она посмотрела вниз и увидела покрывало из светло-голубого шелка – тончайшего, самого лучшего из всех сортов, которые только можно было добыть морским разбоем.

Ошеломленная, Аманда обвела взором просторную комнату со стенами, обтянутыми бело-синей тканью. Боже праведный, все предметы мебели удачно сочетались друг с другом, обитые материей кремового, синего или белого цветов и простеганные золотой нитью. Даже потолок был позолоченным. Аманда осмотрела загадочное помещение, и тут ее пристальный взгляд наткнулся на маленькую девочку с широко распахнутыми от удивления глазами, стоявшую у ее кровати.

Малышка улыбнулась:

– Меня зовут Ариэлла. Папа сказал, что вас зовут мисс Кэrr. Вы его любовница?

Стоявший неподалеку мальчик протянул руку и резко дернул девочку за волосы. Ариэлла с той же силой ударила его кулаком, угодив прямо в челюсть.

«Папа!» И в этот ужасный момент Аманда вдруг вспомнила о своем несчастье. В один миг на нее обрушилось горе, и она стала тонуть в нем, потеряв способность дышать... Из глаз

снова хлынули слезы, но Аманде было все равно. Задыхаясь, она скорчилась от невыносимой боли.

Папу повесили. Папа умер. Убит Вудсом и британцами.

– Она явно нездорова. Я позову папу! – быстро бросил мальчик и умчался прочь.

Аманда уже смутно догадывалась, куда попала. Клифф де Уоренн присутствовал во время казни, он помешал ей своими глазами увидеть смерть отца. Она, должно быть, в Уиндсонге. О боже, ну как ей пережить эту потерю, эту боль?

Маленькие пальчики погладили ее по руке.

– Мисс Кэпп? Не плачьте. Что бы ни заставило вас так грустить, мой папа сможет это уладить. – В тоне девочки послышалась гордость. – Он может сделать вас счастливой. Он может все.

Аманда моргала, глядя на красивого ребенка сквозь слезы, потоком струящиеся по лицу. Она не могла вспомнить ничего, кроме ужасного звука ломающихся костей на шее ее отца. Этот звук Аманде никогда уже не забыть...

– Мой папа умер, – с трудом, задыхаясь, сказала она ребенку. И снова вся свернулась в комочек, согнувшись в три погибели.

В этот момент послышались звуки чьих-то шагов, быстро приближавшихся к комнате. Аманда поняла, что это де Уоренн.

– Ариэлла! – строго окликнул он.

– Папа, она плачет не из-за меня!

Аманда медленно подняла глаза, по-прежнему с силой обнимая себя за плечи. Теперь-то она начинала припоминать, как крепко его руки обвивались вокруг ее тела во время казни.

– Я знаю, что не из-за тебя. Пожалуйста, иди к своему брату в детскую. Прямо сейчас. – Де Уоренн кивнул в сторону двери, выражение его лица было непреклонным.

Очевидно понимая, когда нужно повиноваться родителю немедленно, Ариэлла бросила встревоженный взгляд на заплаканную гостью и быстро вышла из комнаты.

Аманда очнулась, осознав, что непозволительно долго смотрит в самую глубину пронизательных синих глаз Клиффа де Уоренна.

Он остановился в изножье кровати.

– Я не буду настолько глупым, чтобы спрашивать, как вы себя чувствуете. Мне очень жаль, мисс Кэпп, соболезную вашей утрате.

Аманда снова разразилась слезами. Она отвернулась от хозяина дома и принялась оплакивать свое горе. Бедняжка знала, что де Уоренн приближается, чувствовала, как он склонился над ней, но не реагировала: слишком велико казалось несчастье – его было гораздо больше, чем она могла вынести.

– Уходите, – сквозь слезы бросила Аманда, хотя в глубине души не хотела, чтобы де Уоренн оставлял ее. Как же Дикарке сейчас хотелось, чтобы он взял ее на руки, точно так же, как несколько часов назад, и прижимал к себе крепко-крепко, пока ее раны не заживут. Впрочем, она прекрасно знала, что эти раны не зарубцуются никогда.

Его рука сжала плечо дочери пирата. И Аманда неожиданно осознала, что ее плечи обнажены. Ее тело утопало в очень красивой, отделанной кружевами хлопковой ночной рубашке. Аманда и представить себе не могла, что случилось с ее одеждой, чья рубашка надета на ней теперь.

– Вас мучит глубокое горе. Это понятно, – мягко сказал де Уоренн. – Я послал за своим судебным врачом. Он даст вам настойку опия. Это поможет.

Стремительный поток слез наконец-то прекратился. Аманда обернулась и внимательно посмотрела на Клиффа. Он поспешил убрать руку с ее плеча.

– Настойка опия, – безучастно повторила Аманда. Она знала, какой эффект производит это лекарство. Когда в детстве она сломала запястье, ей дали настойку опия, и боль тут же как рукой сняло. Неужели опий способен унять и ее горе?

Лицо де Уоренна оставалось напряженным, хотя его синие глаза были полны сострадания и жалости.

– Если это послужит утешением, то знайте, что ваш отец умер быстро.

Из глаз Аманды снова полились слезы.

– Вам станет легче. Боль ослабеет. Я обещаю вам, мисс Кэрр.

Аманда покачала головой – она не знала, как это вообще возможно.

– А ваш отец... мертв? – запнувшись, произнесла она.

– Нет. Но моя мать умерла, когда я был совсем еще маленьким.

Аманда очнулась от своих печальных мыслей, ее слезы стали высыхать.

– В самом деле?

Де Уоренн серьезно кивнул:

– Она умерла, когда рожала мою младшую сестру, Элеонору.

Аманда попыталась сесть, и Клифф протиснул руку ей под спину, чтобы помочь. Мгновенно ощутив головокружение, Аманда схватилась за его мускулистые предплечья, но дурнота лишь усилилась. Она безвольно склонилась к де Уоренну, уткнувшись лбом в его грудь. Ей вдруг показалось, что кровать резко опрокинулась, а потом стремительно закружилась.

– Вам нужно лечь и приподнять ноги, – немедленно отреагировал Клифф.

Аманда не могла ему ответить – она пыталась вырваться из вращающегося серого пространства. Но неожиданно она очнулась на спине, все подушки были сброшены на пол, кроме большого валика из синего бархата, который оказался под ее коленями. Кровать замедлилась, наконец-то снова устойчиво обосновалась на полу. Аманда открыла глаза, увидев лишь де Уоренна, сидевшего у ее бедра. Одна рука благодетеля покоилась под ее коленями рядом с подушкой, он пристально смотрел на нее.

– Вы совсем обессилели, – решительно сказал де Уоренн. – Когда вы ели в последний раз?

Аманда понятия не имела когда.

– Я в порядке. Никогда до этого не падала в обморок. Не знаю, почему у меня так закружилась голова.

Де Уоренн вдруг резко вскочил, подтянул ее ночную рубашку вниз, к икрам. Потом обернулся:

– Вместо того чтобы топтаться с той стороны двери, Алекси, ты бы лучше попросил слугу принести мисс Кэрр тарелку супа и кусок белого хлеба.

В глазах подслушивавшего мальчика отразился испуг, он кивнул и помчался выполнять приказ отца.

– Я не голодна, – сказала Аманда, чувствуя себя сейчас очень глупо. Она стала выпихивать подушку из-под ног, не в силах выкинуть из головы тот факт, что рука де Уоренна побывала под ее ночной рубашкой.

Он сжал колени Аманды, чтобы она лишний раз не двигалась.

– Подозреваю, вы ничего не ели несколько дней. Если вы не желаете последовать за своим отцом в могилу, вам нужно подкрепиться, мисс Кэрр.

Их взгляды встретились. Аманда не могла отвести глаз – она была очарована. В какой-то момент ей даже показалось, будто этот посторонний, в сущности, человек искренне беспокоится за нее – но это было просто невозможно. Вспышка интереса к нему вдруг пронзила беспробудное, казалось бы, горе.

– Я не хочу умереть, – медленно произнесла Аманда, осознав, что сказала чистую правду.

Де Уоренн легонько улыбнулся ей:

– Хорошо.

Когда Аманда проснулась в следующий раз, яркий солнечный свет пытался проникнуть сквозь задернутые сине-белые портьеры комнаты. Она сощурилась, бросив взгляд на голубую в рюшах ткань балдахина над головой, и вспомнила все. Она находилась в Уиндсонге, папа был мертв. Она едва могла выносить то и дело подступавшую тоску.

Аманда гадала, сколько же времени прошло с момента казни. Она помнила, как ела суп и хлеб, причем уже не один, а несколько раз, как над ней склонялась миловидная пухлая горничная с ярко-рыжими волосами, помогая ей справиться с пищей. В памяти Аманды всплывал и врач с седыми бакенбардами, который осматривал ее и проверял пульс. Аманда не забыла и о том, как пила чай с добавленной туда настойкой опия, и подумала, что, возможно, тоже делала это не раз.

Аманда внимательно оглядела комнату, теперь вспоминая и о двух маленьких детях – темноволосом мальчике и девочке с золотистыми волосами. Но сейчас она была одна. Возможно, это были лишь плоды ее воображения или детали странного сна? Или она действительно видела детей де Уоренна? Кто-то из них был принцем или принцессой, если молва, конечно, не врал.

Де Уоренн... Он присутствовал при казни, не позволив Аманде стать свидетельницей ужасной смерти ее отца. Неужели он и в самом деле держал ее в своих объятиях, будто стараясь защитить? Или это тоже было сном? Аманда была сбита с толку. Ее память поблекла, частично стерлась, и трудно было решить, что происходило в реальности, а что – лишь в ее грезах.

Но даже при том, что Аманда была по-прежнему грустна, всякий раз, стоило подумать об отце, волна горя захлестывала ее с головой – она чувствовала себя немного лучше. Аманда, например, уже не ощущала себя такой слабой и разбитой. А еще, судя по всему, она испытывала острый приступ голода.

Чтобы проверить свое предположение, Аманда села на кровати. Ее ноги уже не протестовали, желудок урчал, а комната оставалась на удивление устойчивой.

Аманда отбросила покрывало и на мгновение замерла. О боже, она спала в постели, достойной королевы! Шелковые покрывала скрывали стеганое ватное одеяло. Драпировка кровати была подобрана в тон обивки стен; в сущности, все в этой комнате сочеталось между собой – и шелк, и атлас, и бархат, и парча.

Конечно, Аманда знала, что де Уоренн богат, но она и представить себе не могла, что он живет в такой роскоши. Впрочем, дочь пирата никогда прежде не бывала в домах состоятельных особ.

Аманда встала, ощущая, как приятно скользит по телу тонкий хлопок. Выйдя из-за балдахина, она оказалась перед огромным зеркалом в позолоченной раме, испещренной резными завитками и розетками. Она мельком бросила взгляд на свое отражение и замерла.

На нее смотрела совершенно незнакомая ей девушка.

Прелестная и по-настоящему утонченная, женственная незнакомка, одетая в великолепную ночную рубашку, отделанную кружевами, ее серебристые волосы мягко рассыпались по плечам, спускаясь почти до талии. На лице выделялись яркие, широко распахнутые зеленые глаза с длинными, пушистыми ресницами, удивительно темными, как и ее брови. На щеках незнакомки играл нежный румянец, кожу немного тронул загар, а губы были пухлыми, розовыми.

Ее плечи и руки оказались полностью обнаженными. Если бы кому-то вздумалось немного покритиковать девушку из зеркала, он бы мог заметить, что ее плечи были широкими, словно намекали на таившуюся в этом хрупком тельце неженскую силу. Но этот недостаток совсем не бросался в глаза из-за хлопковой ночной рубашки, драпированной над грудью. Узенькие кружевные лямки поддерживали лиф, но вырез был слишком большим, тело

скрывали лишь крошечные оборочки под кружевами. Как следует рассмотрев себя в зеркале, Аманда покраснела от смущения.

Она совсем не была похожа на дочь пирата – скорее на благородную, родовитую женщину.

Потрясенная, Аманда отвернулась и быстро распахнула портьеры. Было уже далеко за полдень – солнце сияло ярко, но уже на западе. Окна ее спальни выходили на гавань, и она заметила свое любимое судно, «Прекрасную леди». Корпус корабля был выкрашен в черный и красный цвета. Хотя «Прекрасная леди» была всего-навсего судном пятого ранга, непригодным к эскадренному бою, его такелаж⁷ впечатлял, и Аманду поразила сложность корабельного оснащения. Сколько раз она наблюдала за де Уоренном, стоявшим на квартердеке, его людьми, поднимавшими парус, когда фрегат покидал свое место у причала! Сколько раз, затаив дыхание, любовалась, как великолепная «Прекрасная леди» постепенно набирала ход, мчалась вперед на всех парусах, до предела надуваемых ветром! Иногда Аманда следила за судном с одной из оружейных башен, окружавших гавань: смотрела, как оно стремительно удаляется от берега, уносясь в морские просторы, пока наконец «Прекрасная леди» не превращалась в точку и не исчезала, будто растворяясь в вечности. Сколько раз она задавалась вопросом, каково это – плыть на таком корабле, способном обогнать самый сильный ветер...

Неожиданно Аманда увидела из окна свою тезку.

Форт Чарльз располагался по другую сторону гавани, на маленьком полуострове, который выступал на юго-востоке из Карибского моря. Даже под развевающимся британским флагом, даже с переломанными мачтами, даже с такого большого расстояния Аманда тут же узнала их скромный корабль. Горе в который раз перевернуло ее душу, глубокое, терзающее – невыносимое.

«Обещай мне, что отправишься в Англию, к своей матери». Голос Родни вдруг зазвучал в ушах Аманды так громко и отчетливо, словно он говорил с ней в этой самой комнате. Аманда обернулась, но за ней никто не стоял. Она на мгновение задержала взгляд на закрытой двери спальни, мечтая, чтобы сюда сейчас вошел отец. Но этого не произошло.

Она сглотнула горький комок, подступивший к горлу.

– Я уже пообещала, папа. Разве ты не помнишь?

Случившийся от волнения спазм мешал ей говорить.

– Я помню, девочка.

Аманда могла видеть его теперь, она действительно воочию видела отца, хотя явился он лишь в ее воображении. Аманда смахнула хлынувшие из глаз слезы.

– Я обещала тебе это в день казни. Да, я это сделала. Ты знаешь, что я всегда держу свое слово. Я обязательно поеду.

Она почувствовала, как в душе зародился страх – настоящий, необузданный. Ей придется уехать, оставив все, что было таким знакомым и родным. А что, если папа ошибся и мама не любит ее так сильно, как он уверял?

– Я знаю это, доченька. Я так горжусь тобой... – улыбнулся ей отец.

Аманда вздрогнула.

– Я не уверена, что мама будет довольна мной.

– Она любит тебя, моя девочка.

Аманда собралась было напомнить отцу, что она – дочь пирата, но его образ растаял в воздухе. Господи, что же она делала? Говорила сама с собой – или с умершим? Неужели ей только что довелось встретиться с призраком отца? Аманда была потрясена. Впрочем, это уже не имело значения. Главное, что она дала обещание и собиралась выполнить его, независимо

⁷ Такелаж – совокупность всех снастей судна. Стоячий такелаж – судовые снасти с наглухо, неподвижно закрепленными концами, служащие для удержания снастей в определенном положении.

от того, что ей придется сделать, чтобы добраться до Англии. И разумеется, бояться там ей совершенно нечего. Мать точно будет счастлива видеть ее, сразу заключит в свои теплые объятия и будет ронять слезы радости!

Итак, сейчас нужно сосредоточиться на этом путешествии. Аманда в задумчивости прикусила губу. Родни наказал ей плыть в Англию с де Уоренном. Интересно, могла ли Аманда каким-либо образом убедить своего благодетеля позволить ей путешествовать на одном из его кораблей? Она подумала о том, что этот де Уоренн был таким добрым – или, по крайней мере, казался добрым. Отец хотел, чтобы она плыла с капитаном, потому что он был джентльменом, и Аманда могла согласиться с этим. Но как бы она оплатила эту поездку?

Имущества у Аманды почти не было. Имелись лишь кинжал, пистолет, шпага, смена одежды и золотой крест на цепи, принадлежавший отцу. И ни с одной из этих вещей она не собиралась расставаться, да и де Уоренну в любом случае вряд ли приглянулось бы что-то из этого скудного скарба. Был лишь один возможный способ заплатить за путешествие. Ничего не оставалось, как предложить де Уоренну свое тело.

Внутри у Аманды все напряглось от волнения. И это была не просто тревога, а самый настоящий страх. Каждая сексуальная сцена, свидетельницей которой ей невольно доводилось быть в прошлом, казалась грубой, омерзительной. Отвратительным был и губернатор Вудс. Аманда никогда не могла понять, почему любовные пары, которые она видела, просто млели от страсти. Ей было не дано постигнуть, что же такого привлекательного, возбуждающего кроется в сексе, что заставляет мужчин и женщин в одно мгновение терять рассудок.

Аманда никогда не волновалась так, как в тот момент, когда вышла из спальни. Де Уоренн утверждал, что движим благородными намерениями, и, как ни странно, она ему верила. Но разумеется, он никогда не отказался бы воспользоваться ее телом в обмен на поездку. Все мужчины, которых она знала, с готовностью приняли бы предложение подобного рода. Она даже могла представить этот обмен еще более заманчивым, признавшись де Уоренну, что по-прежнему остается девственницей.

Аманда оказалась в длинном коридоре с белыми стенами, здесь она увидела красивые причудливые картины, блестящий паркет и разбросанные по полу восточные ковры. По обе стороны коридора располагались лестницы с перилами из позолоченной меди, каждая из которых вела в большой зал, находившийся внизу. Аманда направилась к ближайшей лестнице и стала спускаться.

Ее шаг замедлился. Зал был размером с весь их дом в Белль-Мер. С изумлением оглядывая роскошные владения, Аманда посмотрела наверх, на высокий потолок, где висела самая громадная хрустальная люстра, которую ей когда-либо доводилось видеть. Стены украшали богатые гобелены, а еще здесь висело гораздо больше картин, чем в коридоре. Вся мебель – стулья, скамьи и столы – была выполнена из полированного красного дерева, с ножками в виде когтистых лап, обивкой из бархата или камчатной ткани и замысловатой резьбой. В центре одной из стен располагалась двустворчатая дверь, и Аманда узнала парадный вход в дом. Высокие арки вели в другие комнаты.

Она в нерешительности переминалась с ноги на ногу, когда увидела дворецкого. Он вошел в зал, неся пустой серебряный поднос в одной руке так ровно, словно там все еще было полным-полно закусок. Увидев гостью, дворецкий побледнел и, запнувшись, резко остановился. Поднос с громким звоном упал на пол.

Аманда решительно направилась к нему:

– Эй! Где де Уоренн?

Слуга бросил на нее полный ярости взгляд и поднял поднос.

– Его светлость занят, его ни в коем случае нельзя беспокоить.

Тон дворецкого не понравился Аманде, и ее глаза недобро сузились.

– Не важничайте со мной, – заявила она напрямик. – Вы – всего лишь слуга.

Он выпрямился:

– Я – дворецкий, мисс, и самый важный слуга в штате его светлости.

Аманда закатила глаза:

– Я так не думаю. Самый важный из всех, кто на него работает, это судовой плотник.

Хотите побиться об заклад?

Фитцуильям уже был вне себя от раздражения.

– Могу я предложить вам удалиться в свою комнату и должным образом одеться?

Аманда мельком взглянула на свой новый и уже столь любимый предмет туалета.

– Не думаю, что его светлости будет какое-то дело до того, как я одета, – ответила она.

Дочь пирата была убеждена в том, что длинная ночная рубашка, естественно, столь же прилична, как и любое платье.

Фитцуильям вспыхнул:

– Если вы отправитесь в свою комнату, я сообщу его светлости, что вы желаете его видеть.

Аманда пренебрежительно фыркнула:

– Вам стоит отправиться в морское путешествие, любезнейший. Это помогло бы сбить спесь с вашей важной задницы!

И она направилась к одной из арок, туда, где наверняка могла обнаружить более приятного собеседника. Дело в том, что именно из этой арки и появился высокомерный старый хрыч.

– Он будет недоволен, – холодно сказал Фитцуильям ей вслед.

Аманда решила, что он произнес это из самодовольства, желая подчеркнуть свою значимость и доставить себе удовольствие, но ей было все равно. Теперь она уже могла различить медленную, протяжную речь де Уоренна – и тихий, жеманный смех женщины.

Аманда остановилась на пороге большой гостиной с позолоченными стенами и таким внушительным количеством мебели, что ни один человек, должно быть, не смог бы использовать и за две жизни. В самом дальнем углу гостиной стоял хозяин, облаченный в свою обычную белую льняную рубашку и такие же белые брюки, его высокие черные сапоги блестели, ярко контрастируя с одеждой. Де Уоренн часто носил украшенный тяжелой вышивкой мавританский камзол, но сейчас камзола на нем не было, и его кинжал не был заткнут за пояс. Он, однако, забыл снять огромные шпоры с золотом и рубинами.

При взгляде на бравого капитана во рту у Аманды пересохло. А потом она увидела гостью де Уоренна и поняла, почему он так не хотел, чтобы его тревожили. Она не могла поверить своим глазам.

Красивая, пышнотелая белокурая леди поглаживала руку де Уоренна и хихикала, обращаясь к нему. Она была элегантно одета, украшена лентами и усыпана драгоценностями. Нет, она была просто жирной, подумала Аманда, не преминув, впрочем, заметить, что большинство моряков предпочло бы, разумеется, крупную женщину. И кожа ее не была фарфоровой, скорее бледной, нездоровой. Волосы леди были ярко-желтыми.

Кулаки Аманды сжались, волнение буквально парализовало ее.

Женщина с готовностью смеялась надо всем, что говорил де Уоренн. Он улыбался, сохраняя на лице непроницаемое выражение. Его цепкий взгляд опускался ниже при каждом движении блондинки, когда ее бледно-зеленое платье все больше и больше открывало огромные груди (как вымя у коровы – злорадно решила Аманда), которые грозились совсем выпасть. В другой руке полная дама держала бокал вина или шерри. Она говорила, потряхивая локонами.

– Я так рада, что застала вас дома, капитан. Ах, эта долгая, жаркая тряска в экипаже из Спэниш-Таун! Я так надеялась, что она будет ненапряжной!

– Да, это очень долгая поездка – все одиннадцать миль дороги. Вас не беспокоит наша ямайская погода? – заметил де Уоренн легкомысленным, праздным тоном. Золотая серьга в его ухе ярко блеснула.

Блондинка подалась к нему ближе:

– Как же трудно сохранить платье накрахмаленным в такую влажную погоду! А мои волосы! Их приходится поправлять по меньшей мере два раза в день!

– Представляю, как это тяжело для дам, живущих в таком климате, – скучным, ровным голосом отозвался де Уоренн.

– О, я наслаждаюсь своим визитом на остров, капитан! Но это путешествие доставило бы мне намного большее удовольствие, если бы вы пригласили меня на борт своей лодки.

Потеряв терпение, Аманда шагнула вперед:

– Это судно, а не лодка, моя дорогая леди, – фрегат, если быть точной. Корабль пятого ранга, с тридцатью восьмью орудиями, которые стреляют несчетное число раз.

Челюсть леди опустилась, придав ей крайне непривлекательный вид.

Глаза де Уоренна расширились, он впился взглядом в нарушительницу его покоя. Аманда театрально выставила бедро и выпятила грудь:

– О-о-о, возьмите меня на свою лодку, капитан, ну пожалуйста, сэр!

Лицо де Уоренна невольно расплылось в улыбке, и он подавил смешок. Потом нахмурился и с укоризной посмотрел на нее:

– Мисс Кэпп, вы в ночной рубашке.

Аманда удивилась: похоже, ей удалось развлечь хозяина дома. Она смягчилась и слабо улыбнулась:

– Это не моя ночная рубашка. Я не знаю, чья она. На самом деле я даже не могу вспомнить, как она на мне оказалась.

Ее пронизательные глаза сузились и взглянули прямо на де Уоренна.

– Это вы меня раздели?

Он покраснел, а блондинка едва не задохнулась от возмущения.

– Видимо, я совершила ужасную ошибку, приехав сюда! Вы и... дочь пирата? – с недоверием осведомилась она.

Де Уоренн как-то странно, заговорщически взглянул на Аманду. Этот взор был полон предостережения, но в нем ясно читалось и веселье. Аманда не могла понять, о чем он думал. Потом выражение лица капитана стало строгим, и он обернулся к гостье:

– Я как раз собирался представить вас мисс Кэпп, мисс Делингтон. Она гостит в моем доме.

Блондинка стала красной как свекла.

– Я вижу. Очень хорошо вижу. – Леди посмотрела на де Уоренна и кивнула. – Что ж, тогда хорошего дня.

И она поспешно покинула гостиную.

Аманда смотрела ей вслед, удовлетворенная произведенным эффектом.

Сзади раздался голос де Уоренна:

– Довольны собой, не так ли?

Она резко обернулась, с трудом подавив желание кинуться в его объятия. Но вместо этого отпрыгнула, чувствуя странное волнение теперь, когда они остались наедине.

– Она слишком жирная, рыхлая свинья, чтобы трахаться с вами, – бросилась защищаться она.

Де Уоренн побледнел.

Аманда осознавала, что допустила какую-то ужасную ошибку, но не знала, в чем именно заключался ее промах.

– Я имею в виду, вы ведь действительно не хотели ее, не так ли? Она ведь дурочка! Она назвала «Прекрасную леди» лодкой!

Де Уоренн глубоко вздохнул, казалось, он был потрясен. Капитан отошел от Дикарки, сунув огромные ладони в карманы узких брюк.

Аманда вдруг сильно встревожилась:

– Вы сердитесь на меня?

Де Уоренн немного помедлил, а потом обернулся к своей гостье и едва заметно улыбнулся ей:

– Нет, не сержусь. Я рад видеть вас на ногах и, судя по всему, в добром здравии.

Аманда осознала, что теперь чувствует себя намного лучше: она так боялась, что де Уоренн разозлится на нее и выставит из своего дома!

– Если эта дама вам так нужна, – сказала она с явной неохотой, – я могу пойти и при- тащить ее обратно. Я – не глупая. И поняла, что она решила, будто я ваша любовница, или придумала себе еще какую-нибудь чепуху в этом роде. Я могла бы сказать ей правду.

Он внимательно смотрел на нее.

Все тело Аманды в волнении напряглось. Она вдруг осознала, что осталась наедине с этим огромным, сильным и, несомненно, любвеобильным мужчиной, а на ней надета лишь ночная рубашка.

– Я не интересуюсь мисс Делингтон.

Аманда с облегчением улыбнулась.

– Мисс Кэпп, – осторожно произнес он.

Аманда бросилась к нему, поспешив прервать:

– Нет, подождите. Мы оба знаем, что я – не леди. Меня зовут Аманда. Или девочка. Папа всегда называл меня девочкой. Или девочкой Амандой.

Она вдруг смолкла, вновь ощутив приступ невыносимой тоски. На какое-то время бед- няжка забыла, что ее отец мертв. Но теперь горе, вернувшееся в один миг, навалилось на нее.

– Он называл вас «девочка»?

Аманда опустилась в огромное мягкое кресло, украшенное золотыми кисточками.

– Да.

Де Уоренн подтащил диван и сел рядом с ней.

– Как вы себя чувствуете?

– Голова больше не кружится.

Он улыбнулся:

– Мы внимательно следили за тем, чтобы вы ели перед каждой дозой настойки опия.

Аманда попыталась вспомнить.

– Я очень долго спала?

– Вы время от времени проваливались в сон на протяжении трех дней. Я все гадал, когда же вы проснетесь. – Он улыбнулся снова, на сей раз ободряюще.

Она ответила на его улыбку. Их взгляды пересеклись и невольно задержались друг на друге.

В этот момент что-то изменилось. Аманда тонула в глазах де Уоренна. Он был самым красивым мужчиной из всех, кого она когда-либо видела, и он на самом деле казался добрым, по-настоящему искренним. Он был одним из величайших морских владык, а для Аманды это было почетнее, чем королевский титул. Когда он примет ее предложение, она разделит с ним постель.

Аманда никогда не ощущала влечения к мужчине. Но иногда ночью, во сне, к ней прихо- дил возлюбленный, лица которого не было видно. Окутанный золотистым сиянием, он горячо целовал Аманду, а по пробуждении она чувствовала себя наполненной странным томлением, которое едва могла разгадать. Иногда она просыпалась, балансируя на грани сильного, доселе неизведанного удовольствия, и с сожалением понимала, что это был лишь сон и на самом деле она одна.

Аманда спрашивала себя, станет ли теперь мечтать о Клиффе де Уоренне. Он ведь так сильно напоминает возлюбленного из ее снов, не так ли? Большой, сильный, с золотистой кожей...

Глаза де Уоренна распахнулись, и, будто очнувшись, он вскочил. Отойдя от девушки на почтительное расстояние, он налил себе выпить. Его рука дрожала.

Аманда сидела не шелохнувшись. Ну как она могла думать о тех своих сокровенных мечтах теперь? Ведь им нужно было обсудить одно важное дело! Но почему он дрожит?

– Что это вас так трясет?

Де Уоренн не ответил, издав лишь неопределенный резкий звук.

Аманда вздохнула, задумчиво постучав ногой по полу.

– Может быть, вы подхватили грипп. Моряки часто им болеют.

– Это не грипп, – мрачно отозвался он.

Она улыбнулась:

– Это хорошо.

Аманда медлила, не решаясь приступить к разговору: несмотря на то что должна была осуществить задуманное, ей было страшно начинать эти странные, глубоко личные переговоры. Ну а кроме того, она явно наслаждалась мягким креслом, роскошной комнатой и столь благородной компанией. И она завела беседу издалека:

– Почему у вас так много мебели? И если вы не хотели вступать в любовную связь с той женщиной, почему она была здесь?

Де Уоренн приблизился к гостье, на его лице застыло ошеломленное выражение.

– Я знаю, что вам пришлось пройти через ужасные испытания, что мы с вами – из разных миров. Аманда, мне... кому-то нужно обучить вас нескольким вещам.

Она насторожилась:

– Каким же? Чтению?

– Это может сделать учитель. И вы не можете общаться на определенном языке в приличной компании. В сущности, вы не должны говорить о... любовной связи, вообще никогда!

– Почему, черт возьми, нет? – спросила она, искренне озадаченная его словами. – Так поступают все мужчины, они только и делают, что говорят об этом.

Де Уоренн взглянул на нее и наконец-то снова начал улыбаться.

– Все верно, – сказал он, махнув рукой. – Мы – жертвы наших мужских желаний. Я разрешаю вам обсуждать это. Начнем сначала. Вы не можете ходить по этому дому в таком одеянии.

Аманда посмотрела вниз, на восхитительную ночную рубашку. «Он собирается отобрать ее», – с грустью подумала она. Пальцы Аманды коснулись краешка кружевной завязки. Потом она перевела взгляд на де Уоренна. И безразлично пожала плечами, чтобы он не понял, заботит ли ее возможная потеря такой красивой рубашки.

Де Уоренн подошел к ней.

– Аманда. – Он снова уселся на диван, только на этот раз чуть дальше от гостьи. – Нам необходимо обсудить кое-что еще.

Его тон был очень серьезным. Неужели он все-таки одумался и решил наконец-то выставить ее из своего дома?

– Надеюсь, я не повел себя бесцеремонно, когда решил, что вы предпочли бы похороны в море?

В душе Аманды все сжалось.

– Я не думала об этом! Где отец? – с тревогой вскричала она.

– Сейчас он в кингстонском похоронном бюро. Мы можем похоронить его в море. Я все устроил.

Аманда кивнула, не в силах произнести ни слова.

– Я думал сделать это завтра, – сказал де Уоренн, и в его глазах вспыхнули нежность и сострадание. – Вы сможете это вынести? Я мог бы сказать несколько слов как судовой капитан либо позвать священника или даже морского капеллана⁸.

«Отец все еще не похоронен», – мелькнуло в голове Аманды. И она справится, она все вынесет, она обязательно должна присутствовать на похоронах! Дочь пирата встретила глазами с де Уоренном:

– Мне бы хотелось, чтобы вы благословили его в последний путь.

– Тогда можете ни о чем больше не беспокоиться, – мягко отозвался он.

Де Уоренн снова оказался так добр, а еще он был столь невероятно красив, что сердце Аманды перевернулось – в один миг, будто легкая рыбацья плоскодонка, унесенная в открытое море. Она смотрела в его сверкающие синие глаза и чувствовала себя удивительно защищенной и спокойной, будто наконец-то добралась до тихой гавани, убрав паруса после яростного шторма. Возможно, ей не стоит бояться этого человека, пронеслось в ее голове.

Де Уоренн поднялся:

– Вы хотели меня видеть, чтобы что-то обсудить? В противном случае я должен идти – моим детям пора ложиться спать, и мне нужно быть наверху.

Аманда глубоко вздохнула, набираясь храбрости и отказываясь думать о том, что произойдет, когда он примет ее смелое предложение. Нет, сейчас она видела себя стоящей на палубе «Прекрасной леди», которая несется по бурным, с пенистыми гребнями волнам. В этой мечте она находилась на носу корабля, а де Уоренн стоял на четвердеке со своей командой. Они бы неслись вперед на всех парусах – ни один здравомыслящий моряк не решился бы делать это в такое ненастье. Но де Уоренн не беспокоился бы об этом, он бы смеялся назло буре, да и Аманда тоже. Она улыбнулась своим мыслям.

– Аманда?

Девушка вернулась в реальность, и улыбка исчезла с ее лица. Аманда прикусила губу, все еще не решаясь приступить к серьезному разговору.

Проницательный взгляд де Уоренна скользнул к ее губам, потом вернулся к глазам.

– Итак, о чем же вы хотите спросить меня?

Все пути к отступлению были отрезаны, оставалось только ринуться вперед. Аманда поднялась с кресла:

– Я сделаю все – все, что только пожелаете, если вы отвезете меня в Англию.

Он во все глаза уставился на нее.

Аманда понятия не имела, что означает этот неподвижный пристальный взгляд. Де Уоренн был очень умен и сообразителен, значит, должен был уловить смысл ее намека. Неужели он ничего не понял? Аманда широко улыбнулась ему:

– Я не могу заплатить за поездку – деньгами, по крайней мере. Но есть и другие способы, с помощью которых я собираюсь выразить свою благодарность.

Выпалив это, она замолчала в ожидании ответа.

Де Уоренн рассеянно покачал головой. Это странное движение, судя по всему, означало «нет», на его лице появилось подозрительное выражение.

– Вот в чем дело, – наконец изрек он.

Аманда по-прежнему стояла перед ним, чувствуя нарастающую панику. Она должна добраться до Англии! Она обещала!

– Я сказала, что сделаю все, что угодно. Вы ведь понимаете, *что* я имею в виду, правда?

⁸ Морской капеллан – священник на флоте, который не только проводит богослужения, но и отвечает за моральный дух военных.

Теперь на высоких скулах де Уоренна заиграл яркий румянец – верный предвестник скорой вспышки гнева. Но что вызвало такое бешенство? Он по-прежнему не понимает, о чем она говорит?

– Де Уоренн, я предлагаю вам свое тело. Это единственный способ, которым я могу заплатить за...

– Прекратите! – рявкнул он командным тоном.

Аманда съежилась, ощущая глубокую досаду.

– Я знаю, что недостаточно привлекательна для вас... – начала она, собираясь признаться ему в своей невинности.

Де Уоренн схватил ее за руку, их тела соприкоснулись.

– Именно это вы делаете каждый раз, когда вам что-то нужно? Предлагаете свое тело в обмен на вещи или услуги? – резко бросил он. И тут же отпустив ладонь Аманды, отошел от нее на почтительное расстояние. – Я могу гоняться за пиратами, но я – джентльмен, и я – де Уоренн, – с достоинством произнес он, яростно сверкая глазами.

Аманда мелко дрожала, ее сердце колотилось от ужаса. Она не могла понять причину такого гнева.

– Я должна добраться до Англии. Папа сказал, что следует отправиться туда с вами. Я лишь хочу заплатить вам!

Он возмущенно взмахнул руками:

– Довольно! Ваша мать – там, в Англии?

Аманда кивнула, не в силах отвести от де Уоренна изумленный взгляд. Он что, отказывается от нее, потому что она не модная, жирная красотка? И почему, кстати, она не чувствует облегчения?

Де Уоренн глубоко вздохнул:

– Я уже решил взять вас в Лондон, где вы смогли бы обрести семью.

Он уже решил? Аманда была потрясена.

– Почему вы на это идете?

– Потому что вы должны отправиться к родным, – постановил он.

– Но как я заплачу вам за это путешествие? Я не нищенка, которой нужно бросать жалкие крохи!

– Вам не придется платить! – резко оборвал он. – И я никогда, ни разу не дал вам понять, что считаю вас нищенкой. Правда заключается в том, что я и сам собирался отправиться в путешествие в конце месяца, но, учитывая все произошедшее, мы отплывем уже завтра.

– Завтра? – Аманда не была готова к такому стремительному развитию событий. Все тревоги унеслись прочь, уступив место леденящему кровь страху. – Это слишком скоро! А как же похороны отца?

Ну как, в самом деле, они могли отправиться в поездку прямо завтра?

– Нет, лучше в конце месяца! – взмолилась Аманда. Она только что потеряла отца, она еще не была готова к встрече с матерью.

– Мы похороним вашего отца в море после того, как поднимем парус. Мы отбываем завтра, – отрезал де Уоренн и навел на нее указующий перст. – И вы будете одеты не так, как сейчас. Мне бы хотелось, чтобы на вас были мужские вещи.

Глава 4

Сон упорно ускользал от него.

Он был в плену огромных миндалевидных зеленых глаз. Копна светлых волос обрамляла такое необычное, экзотическое и при этом красивое лицо. Длинные непокорные пряди струились вдоль ее полных грудей, отчетливо различимых под тонкой хлопковой рубашкой. И как ее угораздило появиться в общедоступных комнатах его дома в столь интимном, откровенном одеянии?

Клифф резко дернул бедрами, пытаясь снять напряжение. Он подумал, что ведет себя как школьник, который не занимался этим лет с двенадцати, и чувствовал себя пристыженным из-за того, что только подумал о мастурбации. Как это вышло, что он был так увлечен дочерью пирата? Несмотря на то что теперь Клифф знал ее имя, он отказывался думать о ней как об Аманде. Нет, в мыслях ее следует называть или Дикаркой, или дочерью пирата, или даже мисс Кэрр – так ему будет проще бороться со столь безудержным влечением.

Клифф повернулся на живот, стараясь не обращать внимания на неистовый прилив крови в чреслах. Он ни на секунду не должен забывать, что она очень молода, до смешного молода... слишком молода. И она не относилась к его типу женщин! К тому моменту, как Клифф сбежал из дома в четырнадцать лет, он уже успел соблазнить дочерей отцовских друзей. Он всегда выглядел старше своих лет и мог выбирать из множества красивых, элегантных, взрослых аристократок. И когда приходилось делать выбор между полевым цветком и тепличной розой, он всегда предпочитал последнюю.

Но Дикарка отличалась ото всех, кого Клифф встречал прежде. Чтобы понять это, ему достаточно было вспомнить о том, как она ворвалась в Королевский дом с заряженным пистолетом или неслась на своем каноэ по бурлящим волнам. Потом улыбка исчезла с лица де Уоренна, и он с досадой поежился, вспоминая, на каком языке она изъяснялась в гостинной. Но мгновение спустя он уже тихо посмеивался, думая, как она выгнала мисс Делингтон из его дома. Неожиданно мысли Клиффа понеслись совсем в другом направлении. Он вскочил с кровати, чтобы налить себе выпить.

Интересно, а Дикарка еще сохранила невинность? Она определенно знала, что предлагала ему. Учитывая обстановку, в которой росла дочь пирата, можно было предположить, что она вряд ли была неопытной. Иначе почему она с такой легкостью делала собственное тело предметом торга? Конечно, это была старинная уловка женщин, обделенных властью или состоянием. У Дикарки не было ничего другого, что она могла бы предложить в обмен на услуги. Это сильно тревожило и печалило Клиффа. В его душу постепенно закрадывалось отчетливое ощущение страха, связанного с их совместным путешествием в Англию.

Клифф знал, что может контролировать и скрывать свою страсть. Это будет неприятно и трудно, но он слыл дисциплинированным человеком. К тому же она была слишком юной! Ему просто нужно постоянно напоминать себе об этом. Поскольку Клифф перенес дату отплытия, сократив время пребывания дома, ему придется взять детей с собой. Алекси уже плывал с ним близ островов и с тех пор настойчиво требовал взять его в «настоящее» путешествие. Ариэлла то и дело намекала насчет круиза, и Клифф знал, что дочь хочет побывать за границей и своими глазами увидеть достопримечательности, о которых столько читала. Он отчетливо понимал и то, что дети помогли бы ему отвлечься от мыслей о Дикарке, стать своеобразной буферной зоной.

Клиффа волновало и кое-что еще. Он уселся в темноте с бокалом коньяку. По слухам, Родни Кэрр когда-то служил на Королевском военно-морском флоте. Интересно, это правда? Если молва не врет, мать Аманды могла быть благородного происхождения. И это его сильно беспокоило.

У Дикарки не было ни малейшего чувства такта, ни капли стыда и вообще никакого понятия о хороших манерах. Если ее мать окажется женщиной благовоспитанной, их воссоединение грозит обернуться катастрофой.

В то же время Клифф не хотел, чтобы она нашла мать и выяснила, что та – шлюха или рябая ведьма. У дочери пирата была нелегкая жизнь, ему не нужно было знать подробности, чтобы быть абсолютно уверенным в этом. Она заслужила свою частичку роскошной жизни и нуждалась в прекрасной семье и заботе со стороны матери.

За шесть недель путешествия дочь пирата наверняка смогла бы приобрести некоторые пристойные манеры и подобающую скромность – этого было бы вполне достаточно для того, чтобы не шокировать окружающих. Анахид могла бы обучить ее всему, что требуется. И все-таки Клифф сомневался в своем плане. Он не был уверен даже в том, что Дикарка пожелает брать уроки этикета, к тому же он всего лишь согласился переправить ее к матери, а не взялся превращать ее в юную леди. И, в конце концов, это было совсем не его дело.

Клифф окончательно бросил тщетные попытки заснуть. За окном брезжил рассвет, а ему предстояло пуститься в серьезное морское путешествие. Багаж его детей был собран прошлой ночью, де Уоренн надумал взять в поездку и учителя словесности. Это решение он принял после долгих размышлений о мисс Кэрр.

Де Уоренн наверняка чувствовал бы себя так, словно ему на голову свалился еще один ребенок, если бы не вспоминал о соблазнительной Дикарке в откровенной ночной рубашке.

Осушив бокал коньяку, Клифф оделся. Окрасившееся в цвет фуксии небо висело над морем оттенка индиго, когда он вышел из своих личных покоев. Клифф тотчас же направился в детское крыло дома. Дверь комнаты Алекси была открыта, а он сам был уже одет и стоял у раковины, чистя зубы. Мальчик обернулся и улыбнулся отцу, его рот был полон воды. Сердце Клиффа смягчилось, и он бросил сыну полотенце.

– Твоя сестра тоже готова?

– Я слышал, как она жаловалась Анахид, что надо так рано вставать. Папа, сегодня хороший ветер, как раз нам в дорогу.

Клифф подмигнул:

– Я знаю. Не спеши. Мисс Кэрр наверняка еще спит.

Он оставил сына и остановился перед дверью в комнату дочери.

– Ариэлла? Анахид?

Спустя мгновение армянка открыла дверь. Клифф почувствовал, что она улыбается под своими шелковыми покровами.

– Милорд?

Он посмотрел мимо гувернантки и увидел, что Ариэлла все еще в ночной рубашке и с сонными глазами. Она прижимала к груди книгу.

Клифф улыбнулся:

– Доброе утро. Не волнуйся, Анахид упаковала для тебя множество книг. И если ты сумеешь осилить их все, у тебя всегда есть моя Библия.

Ариэлла зевнула.

– Мы спустимся вниз через десять минут, милорд, – спокойно сказала Анахид.

Клифф оставил комнату дочери, поспешил вниз и прошел в большой зал, ощущая хорошо знакомое приятное волнение. Когда де Уоренн поднимал паруса, не было человека счастливее его на целом свете. Все демоны, терзавшие его этой ночью, исчезли. Всего через два часа ветер будет дуть Клиффу в спину, перед ним окажется открытое море, а его дети будут рядом. Жизнь едва ли могла быть лучше, подумал он.

Слуги зажгли настенные бра, и зал был частично освещен, несколько утренних теней играли на мраморных полах. Неожиданно Клифф заметил свою гостью, сидевшую на мягком

испанском стуле недалеко от парадных дверей. Естественно, он и не рассчитывал на то, что Дикарка уже встала. Увидев его, она вскочила, ее глаза распахнулись.

Де Уоренн приблизился к мисс Кэрр, его шаги замедлились. Клифф старался не вспоминать, о чем думал всего час назад.

– Доброе утро. Едва рассвело. Неужели вам не спится?

Несмотря на то что Клифф разок прошелся мимо ее двери прошлым вечером и слышал плач гостыи, на ее лице не было ни малейшего признака того, что ночь она провела ужасно. Он приказал выстирать одежду Дикарки, пока она лежала в забытии, и теперь на ней были надеты свободная рубашка и бриджи. К своему обычному наряду дочь пирата добавила толстый золотой шнур, который выполнял функцию пояса. Выглядело так, словно она позаимствовала завязку для портьеры.

– Мы ставим паруса этим утром, – улыбаясь, ответила Дикарка. – С какой стати мне оставаться в постели?

Клифф чувствовал, что должен успокоить гостью. Ее волнение, несомненно, объяснялось грядущей встречей с матерью. Разумеется, она не ощущала столь неодолимой притягательности моря, как он.

– Путешествие займет шесть недель. Пройдет некоторое время, прежде чем вы сможете возобновить свои отношения с матерью.

– О чем вы говорите? Я знаю, сколько продлится путешествие. – Дикарка была вне себя от нетерпения. – Ветер свежий, сильный. Мы поднимем паруса прямо сейчас?

Неужели она и в самом деле чувствовала то же волнение, которое всякий раз ощущал Клифф, ступая на палубу судна?

– Вы так уставились на меня, будто я – неотесанная деревенщина! – возмутилась мисс Кэрр. – Ну почему мы готовимся к отплытию так долго?

Сгорая от нетерпения, она стала переминаясь с ноги на ногу.

– Разве есть какая-то причина для задержки? Из своего окна я видела, как ваши люди подняли парус. Де Уоренн... я имела в виду, капитан... я должна почувствовать, как качается палуба под моими ногами, как сильный ветер треплет мои волосы!

Клифф стоял, во все глаза глядя на Дикарку, – безмерно удивленный, он чувствовал, как все его тело напряглось. Потрясенный, он быстро отвернулся, чтобы гостыя не заметила, как его тело отреагировало на ее волнение. Совершенно точно, он никогда еще прежде не был так возбужден.

– Де Уоренн? То есть капитан, мы готовы отправляться, не так ли?

Клифф не ответил. Перед ним вырисовывалось нелегкое шестинедельное плавание. То, как откликалось его тело на присутствие Дикарки, было просто недопустимым. Обязанность Клиффа как капитана судна заключалась в том, чтобы защищать пассажирку и благополучно доставить ее к месту назначения, не погубив в момент безрассудной страсти.

«Слава богу, я решил взять в это путешествие свою семью!» – пронеслось в голове Клиффа.

– Вам плохо? – прямо спросила она, дергая его сзади за камзол.

Перед тем как обернуться, Клифф удостоверился, что окончательно успокоил свои страстные желания. Он посмотрел на Дикарку:

– Я беру в это путешествие детей, они вот-вот спустятся вниз. Как только они соберутся, мы отправимся.

Ее глаза заблестели.

– Я начала плавать с отцом, когда мне было шесть, – объяснила она. – Наверное, вашей дочери примерно столько же?

– Да.

Зеленые глаза Дикарки с недоверием сузились.

– Вы ведете себя так странно! Что-то не так?

Клифф, скрестив руки на груди, пристально смотрел на нее:

– Когда вы последний раз были в море? Я имею в виду не ваши прогулки на каноэ.

– Это было короткое путешествие на Барбадос – у отца там были дела, вполне законные.

Прошлой весной.

Клифф подумал о том, что умер бы, проводи он без настоящего морского путешествия так бесконечно много времени.

– Похоже, вы сегодня в прекрасном расположении духа, мисс Кэрр.

– Вы хотели сказать «Аманда». – Она немного успокоилась. – Я не забыла об отце, если вы именно это имеете в виду. Почти всю прошлую ночь я провела, думая о нем. У меня не осталось в запасе ни единой слезинки.

И Дикарка вдруг просияла улыбкой:

– «Прекрасная леди» – мое любимое судно. Мысли о ней просто не дают мне покоя! Все знают, что это самый быстрый корабль пятого ранга в открытом море – и это, конечно, ваша заслуга. А еще вы никогда не проигрывали сражение! Я могу помочь с орудиями. Ваш парусный мастер – португалец, верно? Отец говорил, что он один из лучших в мире.

Сердце Клиффа неистово колотилось в груди, не давая сказать ни слова.

– Я могу открыть вам тайну? – покраснев, с усмешкой спросила она. – Я мечтала о том, чтобы путешествовать, стоя на палубе «Прекрасной леди», и мчаться с ней по ветру. Это одно из самых сильных моих желаний!

Дикарка рассмеялась, отбросив волосы, которые даже не потрудились уложить.

Клиффу пришлось снова отвернуться, почувствовав, как натянулись бриджи от болезненного напряжения в паху. Она мечтала о его судне. Может быть, мечтала и о нем самом?

– Я просто жду не дождусь! – не унималась Дикарка.

Де Уоренн думал о том, что мог бы уступить этому безумному вожделению, он грезил, как повернется, прижмет ее к своей груди, жарко прильнет к ее губам, станет целовать... Он уже буквально чувствовал, как проникает языком все глубже и глубже...

И тут Клифф услышал детские шаги на лестнице, до него донеслась радостная, оживленная болтовня. Появление любимых детей принесло и большое облегчение, и горькое разочарование. Он вздохнул, заставил себя улыбнуться и повернулся к детям:

– Ну вот, теперь все в сборе. Значит, пора на катер.

Аманда схватилась за леера палубы и закрыла глаза, подставив лицо солнцу и ветру. Кингстон остался далеко позади, и лишь тусклая полоска белого песка, обрамленная поросшими зелеными джунглями горами, выделялась на фоне бирюзовой воды, напоминая о маячившем вдали острове. А впереди мягко колыхались волны. Де Уоренн задействовал почти все свои паруса, и теперь огромный, величественный фрегат неся на скорости пятнадцать узлов – «Прекрасная леди» бежала так резво, как только можно было разогнаться при таком приятном бризе. Аманда открыла глаза и с искренней радостью рассмеялась.

Именно так она и представляла себе путешествие на любимом корабле, ведь верно? Аманда почувствовала приятное волнение и обернулась, чтобы рассмотреть капитана судна на четвердеке. Он стоял у штурвала со своим сыном, которому, как она выяснила, было восемь лет, помогая мальчику править кораблем. Де Уоренн казался еще выше обычного, его плечи выглядели шире, а раздуваемые ветром волосы еще больше отливали золотом. От одного беглого взгляда на него у Аманды перехватило дыхание.

Впрочем, она не придавала этому особого значения. Впереди было целых шесть недель – шесть лучших недель ее жизни.

Аманда не хотела думать о будущей встрече с матерью – нет, по крайней мере не сейчас. Де Уоренн оглянулся на нее через плечо. Он улыбнулся, явно наполненный тем же радост-

ным предвкушением странствия, что и она, но его улыбка померкла, стоило их взглядам встретиться. Капитан перевел взгляд на нос корабля, его лицо приняло серьезное выражение.

Аманда подумала, что де Уоренн ведет себя странно со вчерашнего дня, с тех самых пор, как она вмешалась в его амурные планы. Ох, да ладно... Теперь это уже не имело значения. Солнце стояло высоко, в небе плыли легкие кучевые облака, и парочка дельфинов резвилась у левого борта фрегата. Не в силах бороться с собой, Аманда, будто марионетка на веревочке, обернулась, чтобы снова уставиться на капитана.

Ни он, ни его сын не обменялись ни словом, но мальчик был явно поглощен управлением судном. Он, казалось, находился в тени могучей фигуры своего отца. Аманде стало грустно: она вспомнила, как отец помогал ей дотянуться до штурвала. Когда она была совсем маленькой, ему приходилось поднимать ее на руки, чтобы удобнее было схватиться за рулевое колесо.

Потом взгляд Аманды скользнул к дочери де Уоренна, которая сидела недалеко от них. Девочка, выглядевшая принцессой, которой она, вероятно, и была, одетая в красивое кружевное белое платье, читала лежащую на коленях книгу.

Отец дал ей бархатную подушку, на которой она и сидела, чтобы не запачкать свои отделанные рюшечками панталоны. Дочь де Уоренна была прехорошенькой, избалованной и явно не имела ни малейшего понятия о мореплавании, она ни разу не подняла глаза от своей книги.

Аманда и представить себе не могла, каково это – быть богатой маленькой девочкой. Подумать только, дочь де Уоренна умела читать – а ей ведь всего шесть!

Аманда почувствовала, как зарделись ее щеки. Ах, как жаль, что она опрометчиво призналась де Уоренну в своей неграмотности! Уж не считает ли он ее глупой? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: капитан обожал свою дочь, эту маленькую сказочную принцессу, и явно гордился ею. Они все добирались до судна из доков, расположенных ниже Уиндсонга, на шлюпке. Пока они гребли к фрегату, Ариэлла сидела на коленях отца, прижимая к груди книгу. Брат спорил с ней, убеждая, что книга должна быть упакована в одной из ее сумок. Ариэлла за словом в карман не полезла, тут же обозвав брата дураком, который едва ли умеет читать на латыни. Начавшуюся ссору прекратил де Уоренн, сказавший сыну, что Ариэлла может брать с собой столько книг, сколько хочет, а ему действительно стоит лучше освоить латынь к окончанию путешествия. Пока родные выясняли отношения, армянская служанка хранила молчание.

Когда споры утихли, де Уоренн взглянул на Аманду и улыбнулся:

– Моя дочь читает лучше многих взрослых мужчин.

Он обернулся к девочке:

– Что ты сейчас читаешь, дорогая?

– Историю фараонов, папа.

Аманда понятия не имела, кем были эти фараоны. Она неосознанно ревновала капитана к дочери, хотя не должна была чувствовать к нему ничего, кроме благодарности. А еще Аманде так хотелось, чтобы капитан позвал ее на квартердек, как своих детей, но он этого не сделал... У нее не было ни малейшего повода для разговора с де Уоренном, а значит, не нашлось и предлога, который позволил бы ей пойти наверх и попросить разрешения подняться на палубу – священное для каждого моряка и капитана корабля место. Возможно, до окончания плавания де Уоренн еще попросит ее присоединиться к нему. А может, и нет.

Странно, но сейчас Аманда думала о прекрасной ночной рубашке из хлопка и кружев. Де Уоренн не забрал ее. Так полюбившийся Аманде предмет туалета находился в ее маленьком мешке вместе с крестом отца, цепочкой и пистолетом. Кинжал был спрятан в ее левом ботинке с внутренней стороны икры, а шпага – под подушкой на ее койке в каюте.

– Папа, что-то мне нехорошо, – неожиданно пожаловалась Ариэлла.

Обернувшись, Аманда увидела, что маленькая девочка стоит, сжимая свою историческую книгу. Она смотрела тем особенным взглядом, по которому Аманде сразу стало все ясно: у ребенка началась морская болезнь.

– Я могу пойти вниз и лечь вместе с Анахид? – спросила Ариэлла.

– Это худшее из того, что ты можешь сделать. – Де Уоренн огляделся, его взгляд скользнул по Аманде, и он, казалось, застыл в нерешительности.

Аманда подумала, что понимает, чего хочет капитан. Она горела желанием хоть чем-то выразить ему свою благодарность и тут же вскочила и понеслась к Ариэлле. И в самом деле, разве она не может помочь с детьми? Аманда ничего не знала о детях, но была многим обязана де Уоренну, к тому же это наверняка было совсем нетрудно.

– Де Уоренн? Я прогуляюсь с ней по палубе.

Его сосредоточенный взгляд смягчился.

– Вам не составит труда сделать это, мисс Кэрр? Мне кажется, Анахид сейчас внизу, готовит детские каюты.

Аманда улыбнулась ему:

– Не волнуйтесь. Я не позволю ей упасть за борт.

Лицо капитана дрогнуло.

Она рассмеялась:

– Я пошутила, де Уоренн!

– Это не смешно, – без улыбки ответил он.

Аманда прикусила губу. Де Уоренн становился таким серьезным, когда дело касалось его дочери! Эта маленькая принцесса, наверное, лила слезы ведрами, когда он ее шлепал. Аманда вздохнула и подала девочке руку:

– Пойдем со мной.

Ариэлла улыбнулась ей, протягивая свободную руку и по-прежнему прижимая к себе книгу другой рукой. Аманда помогла ей спуститься на три ступеньки вниз, к главной палубе.

– Ты будешь чувствовать себя намного лучше через несколько дней, когда привыкнешь к морской качке.

– Правда? – Ариэлла улыбнулась, но вдруг вся позеленела.

Аманда помогла ей свеситься через леер палубы, и как раз вовремя: девочку тут же стошнило. Аманда поддерживала дочь капитана, пока приступ не закончился, а потом вдруг поняла, что Ариэлла вот-вот заплачет. Она почувствовала отвращение: эта девочка, похоже, была бесхарактерной тряпкой!

Де Уоренн поднял дочь на руки, неожиданно материализовавшись позади них.

– Ты почувствуешь себя лучше через несколько дней, – сказал он. – Обещаю.

Ариэлла боролась с подступающими слезами:

– Я в порядке, папа. Опустите меня вниз.

– Ты уверена? – уточнил он.

Девочка кивнула:

– Я хочу прогуляться с мисс Кэрр. Мне стало лучше, правда.

И она выдавила из себя слабую улыбку.

Капитан плавно опустил Ариэлла на палубу, и она взяла Аманду за руку. Дочь пирата ощущала себя чужой, ее ревность к маленькой девочке росла, но тут де Уоренн обернулся к ней:

– Благодарю вас за то, что вы были так добры к моей дочери, – сказал он, и синие глаза скользнули по ее лицу.

Этот взгляд был полон ласки. Аманда не могла ни улыбнуться в ответ, ни сдвинуться с места, но она прекрасно понимала: если хочет нравиться капитану, все, что нужно делать, это ладить с его детьми. А она хотела ему нравиться – очень хотела, если быть честной.

Аманда облизнула губы и попыталась улыбнуться:

– Скоро она привыкнет к качке. В конце концов, она – ваша дочь.

Де Уоренн бросил на нее взгляд, красноречиво поведавший: он не так уверен в том, что Ариэлла привыкнет к морю, а затем вернулся на квартердек.

Аманда посмотрела ему вслед. И не могла не удивиться, как ему удастся сохранять одежду такой чистой, опрятной. Сейчас от капитана больше, чем когда-либо, пахло морем, но этот аромат по-прежнему смешивался с запахом манго и азиатских специй.

– Вам нравится папа.

Аманда вздрогнула от неожиданности. Она потянула девочку вниз по палубе, туда, где их никто не смог бы услышать.

– Де Уоренн так добр ко мне, и он везет меня к моей матери.

– Я знаю. Он рассказал нам. Она в Англии. – Глаза Ариэллы были пронизательными и чересчур любопытными для шестилетнего ребенка.

– Моя мама – самая настоящая леди, – похвасталась Аманда. – Очень красивая, к тому же живет в большом великолепном доме с розарием.

– На самом деле? – задумчиво отозвалась Ариэлла. – Ваш папа действительно был пиратом? – серьезно спросила она, когда они уже прогуливались по палубе, взявшись за руки.

Аманда колебалась, не зная, что и ответить. А потом решила, что ни за какие коврижки не признается девочке, и солгала:

– Его ложно обвинили в преступлении и повесили за то, чего он не совершал. Он был плантатором и настоящим джентльменом. Но, – добавила Аманда, решив сказать хоть немного правды, – много лет назад он был офицером на британском флоте.

Ариэлла притихла, и Аманда поняла, что она что-то напряженно обдумывает. Какая странная девочка! Дочь де Уоренна наконец-то нарушила молчание:

– Почему вы не рады тому, что скоро увидите свою маму? Это потому, что ваш папа умер?

Аманда остановилась как вкопанная. Сейчас ей хотелось стукнуть любопытного ребенка, сующего нос не в свои дела, но она заметила, что де Уоренн наблюдает за ними с квартердека. И заставила себя улыбнуться:

– Я счастлива, что скоро встречусь со своей матерью. Последний раз мы с ней виделись, когда я была младше тебя.

Сказав это, Аманда почувствовала, как внутри все предательски сжалось. Если бы только она могла быть уверена, что мама будет вне себя от радости, когда ее увидит!

– Правда? – Ариэлла улыбнулась, но вдруг вспомнила о чем-то и погрузилась в размышления. – А моя мама умерла. Ее убили, когда я родилась.

Теперь настал черед Аманды проявить любопытство:

– Она была принцессой?

Глаза Ариэллы изумленно распахнулись, и она рассмеялась:

– Нет. У иудеев нет королевских особ.

– Она была еврейкой? – отозвалась Аманда, безмерно удивленная. Ну конечно, она ведь встречала евреев прежде – как-то она была на Кюрасао, этот остров был населен главным образом евреями. Отец говорил, что евреи перебрались туда много лет назад, из Испании.

– Папа влюбился в маму, и у них появилась я. Но это было запрещено, поэтому князь Берберии приказал ее убить. А вы знаете, где находится Берберия?

Аманда в растерянности смотрела на девочку. Она не могла не чувствовать сострадания к ребенку, но была и очень встревожена, узнав, что де Уоренн любил ее мать. Если Ариэлла пошла в нее, эта женщина была очень красива.

– Так знаете?

– Да. – Аманда потянула девочку за руку, и они продолжили свою прогулку по палубе.

– А папе вы тоже нравитесь, – вдруг выпалила Ариэлла.

Аманда споткнулась на ровном месте:

– Что?

Ариэлла улыбнулась ей:

– Он все время смотрит на вас и краснеет. Обычно он никогда не краснеет, кроме тех случаев, когда вы находитесь в комнате.

Аманда не верила своим ушам:

– Сомневаюсь, что кто-нибудь или что-нибудь может заставить твоего отца покраснеть.

– Вы заставляете его краснеть. Я видела, это было утром, когда мы вышли из дома, а еще он краснел на катере.

– Было слишком жарко, – с раздражением бросила Аманда. Ей не хотелось обсуждать Клиффа де Уоренна с его избалованной дочерью, у которой было слишком живое воображение и которой нравилось читать взрослые книги. К этому моменту они уже целиком обогнули палубу, приблизившись к левому борту, и теперь стояли недалеко от предмета их беседы.

– Мне стало намного лучше. Я хочу прилечь, – зевнув, сказала Ариэлла.

Она повернулась, выпустив руку Аманды, и толкнула дверь капитанской каюты.

Аманда не возражала: она была уверена в том, что Ариэлле позволено ходить взад и вперед по судну, туда, куда ей заблагорассудится. Аманде же категорически запрещалось входить в каюту отца без стука – он частенько принимал там проституток. Аманда всегда считала, что все отцы одинаковы, но теперь она начинала убеждаться в том, что де Уоренн относился к своим детям совсем по-другому, не так, как отец – к ней. Отца никогда не беспокоило то, что Аманда не умеет читать, он никогда не обнимал и не баловал ее так, как де Уоренн Ариэllu.

Между тем девочка уже понеслась в каюту. Аманда не могла больше сдерживать свое любопытство. Она сделала шаг в глубь каюты и теперь могла украдкой оглядеть личную комнату капитана, притворяясь, будто следит за его дочерью, как и обещала.

В интерьере каюты преобладал красный цвет. Стены были выкрашены в темный оттенок оранжево-красного цвета, на полу лежали три алых ковра – один тибетский, один китайский и еще один, изысканный, тонкий обюссонский. Аманда разбиралась в этом и понимала разницу – ковры, которые они с отцом награбили за эти годы, были самой ценной их добычей. У стены стояла огромная кровать из черного дерева с четырьмя толстыми, искусно вырезанными стойками. Балдахин был сделан из красной с золотом парчи, кровать застелена простыней из красного шелка. Золотисто-красные подушки с бахромой и большими пышными кисточками лежали у огромной передней спинки кровати.

В центре комнаты стояли великолепный английский стол с изогнутыми ножками и четыре стула, обитые бордовым бархатом. Под несколькими иллюминаторами располагался еще один стол, огромный, заваленный картами и чертежами. Комната была полна несметных сокровищ – арабских сундуков с замками и ключами из меди, африканских масок, ярких, украшенных замысловатыми узорами марокканских ваз, уотерфордского хрусталя, золотых подсвечников... И еще в каюте был книжный шкаф, битком набитый сотнями книг. Аманда вздрогнула.

Она только что вошла в личное прибежище де Уоренна. Оно являло экзотический вкус мужчины, его эротичную натуру, его ум, силу и храбрость. «Не стоило заходить сюда», – невольно подумалось Аманде.

Вдруг кто-то схватил ее сзади.

– Что это вы здесь делаете?

Аманда инстинктивно среагировала, но в тот самый момент, когда она выхватила кинжал и приставила его к груди нападавшего, ее ошибка стала очевидна.

Глаза де Уоренна расширились от изумления. Аманда застыла на месте, ее сердце неистово забилося, стоило ей осознать, что она оказалась в его объятиях.

– Что это? – с ледяным спокойствием, не сулившим ничего хорошего, спросил он.

Капитан стоял, прижавшись к Аманде почти вплотную, и она невольно подумала, какие же у него твердые, мускулистые бедра.

– Это кинжал, – выдохнула она. – Мне очень жаль... я уберу его подальше, но вы должны отпустить меня.

Они посмотрели друг другу в глаза. Де Уоренн освободил дочь пирата, но она ясно ощутила его возбуждение. Аманда едва не задохнулась от волнения и буквально впилась взглядом в лицо капитана.

Он вспыхнул до корней волос. Оказывается, его дочь права, подумала ошеломленная Аманда. Или она сама обезумела, как и маленькая Ариэлла?

Де Уоренн отступил, помрачнев:

– Никому не позволено входить в эту каюту без разрешения.

Он наполовину отвернулся, потом отошел к иллюминатору и глубоко вздохнул.

Но было уже слишком поздно. Аманда успела отчетливо увидеть, что он возбужден. Она медленно вложила кинжал в ножны, торчавшие из ее сапога.

Он хотел ее. Это было очевидно, но Аманда терялась в догадках: почему? Возможно, это был лишь короткий миг безумия, желание показать свою силу. Все моряки, которых она знала, получали несказанное удовольствие после кровавой битвы.

– Папа, это моя ошибка. Это мне захотелось сюда войти, – прошептала Ариэлла откуда-то с кровати.

Де Уоренн обернулся и улыбнулся дочери. Выражение его лица тем не менее оставалось напряженным.

– Даже тебе стоит спрашивать у меня разрешения, прежде чем войти сюда.

Девочка кивнула, ее распахнутые глаза внимательно следили за Амандой и отцом, взгляд метался туда-сюда.

Аманда попыталась восстановить ровное дыхание.

– Простите. – Она бросила на капитана осторожный взгляд, не в силах разобраться в собственных чувствах. Теперь он, казалось, контролировал свою любвеобильную натуру, а Аманда не могла понять, что ощущает по этому поводу – облегчение или разочарование.

Де Уоренн недовольно скривил рот. Он жестом дал понять обоим незванным гостям, чтобы они вышли из каюты, и сам направился за ними. Когда они оказались на палубе, капитан рявкнул:

– Мисс Кэпп! Задержитесь, пожалуйста.

Аманде не понравился его тон, но она кивнула, надеясь, что он не станет наказывать ее за беспардонное вторжение. Именно так поступил бы отец, он как минимум влепил бы Аманде оплеуху. В ожидании пощечины внутри все неприятно сжалось. Отец считался крупным человеком, но де Уоренн был более высоким и мускулистым, а еще намного моложе. Ладно, если он ударит, она даже не содрогнется! И тогда он поймет, какая она сильная и смелая – достойная того, чтобы отец ею гордился.

– Ариэлла, я рад, если тебе стало лучше. Но тебе еще рано спускаться вниз, это не самая лучшая идея. Я позвал Анахид. Вы вместе можете почитать на той скамье.

– Да, папа, – прошептала девочка.

– Иди. – Де Уоренн улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

Ариэлла просияла и умчалась к Анахид, которая ждала ее в отдалении.

В душе Аманды все оборвалось в ожидании наказания, она с тревогой наблюдала, как напряглись плечи капитана, прежде чем он обернулся. Де Уоренн сделал неопределенный жест рукой:

– Вы бы не хотели...

Аманда ловко увернулась от его ладони.

Капитан застыл на месте, его рука повисла в воздухе между ними.

– Что вы делаете?

Дочь пирата вспыхнула. Она нарушила его правила и теперь должна была храбро принять наказание.

– Ничего. Я имею в виду, что больше не буду уклоняться от удара.

Его глаза чуть не вылезли из орбит.

– Что?

– Давайте просто сделайте это! Я заслужила, я не повиновалась вашим приказам.

– Так вы думаете, что я хочу ударить вас? – Он опустил руку.

Аманда насторожилась:

– Разве вы подняли руку не для этого?

Де Уоренн сделал шаг в сторону Аманды, и она забыла о своем намерении стоически принять удар. Он резко остановился, она тоже застыла на месте.

– Мисс Кэпп! Я не бью женщин, – все еще не отойдя от изумления, промолвил он. – Я никогда в своей жизни не поднимал руку на женщину и никогда не стану делать этого впредь.

Аманда не была уверена, что ему стоит доверять.

– Это что, какая-то шутка?

Перед тем как ответить, де Уоренн немного помедлил в задумчивости. В его глазах мелькнула жалость.

– Я пытаюсь пригласить вас поужинать со мной сегодня вечером, – наконец произнес капитан.

– Вы хотите со мной поужинать? – переспросила Аманда. Нет, дело здесь явно нечисто, это наверняка какая-то хитрая уловка...

Он кивнул:

– Я подумал, что мы с вами могли бы поговорить.

Аманда снова насторожилась. Мужчинам от женщин требовалось лишь одно – и это явно была не беседа. Ее сердце гулко стукнуло. Так вот оно что – он передумал! Он все-таки решил затаскать ее в свою постель...

– Вы принимаете мое приглашение?

Аманда не знала, что и думать. Неужели он в конце концов решил позволить ей расплатиться за путешествие в постели? В сознании дочери пирата вдруг всплыл смутный, но пылкий образ окутанного золотистым ореолом любовника из ее мечты, и внезапно оказалось, что этот мужчина больше не был безликим. Вместо него появился де Уоренн, нежно ласкавший ее тело, заставлявший ее ощущать приятное покалывание и пульсацию кожи.

Возможно, Аманда и не возражала бы против того, чтобы оказаться в постели капитана. Все вокруг твердили, что он великолепный любовник, она слышала, что леди с острова только и говорили о нем. Некоторые из них, те, что когда-то делили с ним ложе, хвастались об этом своим подругам. Неизвестно почему, но Аманда была уверена в том, что эти слухи верны.

Теперь ее тело покалывало, будто она попала в одну из своих тайных грез, но на сей раз эта сладостная боль была глубже, сильнее. Аманда вздохнула и кивнула:

– Мы можем поужинать... и поговорить.

Его глаза с подозрением сузились.

– У меня самые благородные побуждения.

Но она не верила ему ни на мгновение.

Глава 5

Аманда ждала у леера на корме судна, она стояла, гордо распрямив плечи и пытаясь оставаться сдержанной. Сохранять спокойствие было чрезвычайно тяжело. Шестеро моряков принесли гроб из тикового дерева с телом ее отца на палубу, где он теперь и стоял под карибским солнцем. Команда «Прекрасной леди» насчитывала около трехсот человек, и теперь все свободные моряки выстроились на палубе, храня уважительное молчание. Де Уоренн говорил прощальную речь. Он держал в руках Библию, Аманда знала, что он читает что-то из нее, но не могла понять ни слова.

Горе накатило на дочь пирата из ниоткуда, буквально парализовав ее. Всего несколько часов назад, когда они поднимали паруса, Аманда была переполнена радостью. Она и думать забыла об ужасной смерти отца. Теперь же она изо всех сил пыталась подавить в себе боль от его потери. Эта задача казалась трудной, прямо-таки непосильной. Волна горя захлестнула Аманду, но она не хотела потерять самообладание перед де Уоренном, его семьей и командой.

«Я не могу, просто не могу, – думала Аманда, и слезы предательски стекали по ее щекам. – Я не могу жить без отца. Это слишком больно».

Отец был жизнью Аманды. Мать была чужой, совершенно незнакомой, и ей никогда не удалось бы занять место отца. Колени Аманды ослабли, ее тело дрожало, а слезы по-прежнему сбегали по ее лицу.

«Пожалуйста, пусть этот кошмарный сон наконец-то закончится! – думала она, мучаясь от происходящего. – Пожалуйста!»

Аманда вдруг осознала, как тихо на корабле, от чего ясно стали слышны скрип мачт, трепет парусов, плеск воды и шорох морских брызг. Де Уоренн закончил речь.

Аманда не смела поднять на него глаза. Если бы она это сделала, наверняка стала бы пронзительно кричать от боли и бессильного гнева.

Капитан появился перед ней. Тихим сердечным тоном, от которого разрывалось сердце, он спросил:

– Вы не желаете сказать несколько слов на прощание?

Ну как она могла произнести хоть что-нибудь, если и дышать-то была не в состоянии, не то что говорить? Тишина, повисшая на судне, навевала ужас.

Аманда взглянула на капитана и почувствовала, как утонула в его синих глазах, полных сострадания. Она кивнула, едва не задохнувшись от рыданий.

Капитан приобнял дочь пирата и повел ее к блестевшему на солнце гробу.

Аманда упала на колени. Она обнимала воцеленную древесину, прикасаясь щекой к гладкой поверхности. «Папа, – думала она, – я люблю тебя! Всегда любила и всегда буду любить!»

«Будь сильной, девочка. Всегда будь сильной. Теперь ты в хороших руках», – зазвучал в ушах голос отца.

Аманда напряглась всем телом, когда снова почувствовала, будто Родни оказался рядом и говорит с ней.

– Я не сильная, – прошептала она. – Это ложь. Я не справлюсь в одиночку.

«Ты не одна, девочка, и ты сильная, – снова услышала она голос отца. – Сильная и храбрая. Никогда не забывай об этом».

– Нет, не забуду, – плакала Аманда.

Кто-то снова сжал ее плечо.

«Мне пора, девочка. Позволь мне уйти».

Накативший приступ паники грозил уничтожить Аманду.

– Не оставляй меня! – кричала она. – Папа!

Сильные руки помогли несчастной дочери пирата подняться на ноги.

– Позвольте ему уйти, Аманда. – И де Уоренн кивнул своим людям.

Бедняжка опять заплакала, когда шестеро моряков подняли гроб и отнесли его на корму.

– Не оставляй меня! – задыхалась от рыданий девушка.

– ...да благословит Господь, – закончил молитву де Уоренн.

– Аминь, – подхватили двести моряков.

Гроб опустили в море.

Аманда пронзительно закричала.

– Вам нужно прилечь, – сказал де Уоренн, решительно уводя ее подальше от кормы.

Дочь пирата обернулась и вдруг напала на капитана с кулаками, в припадке безумия колотя по его по груди так яростно, словно это именно он убил ее отца.

Капитан поднял несчастную на руки и понес по палубе, но она не могла успокоиться и все била и била его, ненавидя и де Уоренна, и Вудса, и всех британцев, и вообще весь мир – она колотила его до тех пор, пока на смену гневу не пришло изнеможение.

Аманда проснулась через несколько часов. Она устала в потолок капитанской каюты, мрачно осознавая, что лежит в кровати де Уоренна с роскошным пологом на четырех столбиках, куда он принес ее после похорон. Еще он дал Аманде что-то выпить, но она не могла вспомнить, что именно. Она рыдала до тех пор, пока не уснула.

Каюта была погружена во тьму. Аманда бросила взгляд в сторону иллюминаторов – они были открыты, и в комнату дул приятный бриз из черного бархата ночи, усеянного мигающими звездами. Аманда села на красно-золотых, из камчатной ткани, покрывалах. Она рассеянно погладила подушку из шкуры леопарда, ощутив ее чувственную мягкость. Отец ушел. Он никогда не вернется, и теперь Аманде придется как-то с этим жить.

Она соскользнула с кровати, оказавшись босиком на полу. Де Уоренн сам снял с нее сапоги или приказал кому-то сделать это. Аманда нашла их неподалеку и уселась, чтобы натянуть снова. Она больше не мучилась от невыносимого горя – лишь ощущала грусть и смирение перед лицом утраты. Впрочем, именно такой настрой и должен был быть у нее сейчас. Отец заслужил быть оплаканным, и теперь она понимала, что просто не имела права чувствовать себя счастливой еще утром, в момент отплытия.

Аманда гадала, где же капитан судна, что он думает о ней теперь... Разумеется, он не считал ее ни смелой, ни сильной. Она снова разочаровала отца.

– Не беспокойся, – сказала Аманда отцу, надеясь, что он так или иначе сможет ее услышать. – Больше никаких женских истерик. Мне очень жаль, папа, что я была такой глупой.

На сей раз ответа не последовало. Аманда вздохнула. Она вышла из каюты и тут же наткнулась на де Уоренна.

Его первый помощник, крупный шотландец по имени Макайвер, занимал место у штурвала. Де Уоренн стоял, едва касаясь ограды главной палубы, и наблюдал за светом звезд, поигрывавшим на мерцающей черной воде и расходящимся серебристыми полосками. Ветер ослабел, и фрегат немного сбросил скорость. Стояла приятная теплая ночь – идеальная ночь для морского путешествия.

Капитан обернулся. От Аманды его отделяли несколько шагов, и, хотя корабль был освещен намного лучше, чем суденышко ее отца, именно здесь висела непроглядная тьма. Но это не имело значения. Даже во мраке, даже с разделявшими их десятью шагами, их взгляды безошибочно нашли друг друга и надолго слились.

Аманда ощущала себя почти загипнотизированной. Она подошла к де Уоренну, его взор скользнул по ее лицу.

– Вы хорошо отдохнули?

Аманда кивнула:

– Да, хорошо. Спасибо за то, что дали возможность воспользоваться вашей кроватью.

Суровые складки у его рта смягчились.

– Не говорите слишком громко – вас могут неверно понять.

Она улыбнулась в ответ:

– Мне все равно. Думаю, никто и никогда не смог бы обвинить вас в том, что вы пытались затащить меня в свою постель.

Де Уоренн отвел взгляд.

Аманда тут же вспомнила, как утром он проявлял к ней явный интерес и даже приглашал поужинать вместе – на самом деле это ведь было приглашением на свидание... Ее щеки зарделись, и какой-то странный, необычный трепет возник внизу ее живота. Аманда отвернулась к морю, взявшись за ограду палубы. Она осознала, что их с де Уоренном сейчас разделяют лишь считанные дюймы.

Аманда искоса бросила на него быстрый взгляд, понимая, что первый раз в жизни почувствовала что-то подобное по отношению к мужчине. Стоя так близко к нему, она едва могла дышать, совсем потеряла покой. Возможно, он пригласит ее поужинать завтра вечером.

Но де Уоренн хранил молчание, и Аманда отвернулась. Теперь она тоже наблюдала за отражениями звезд, танцующими на волнах. Далеко впереди, насколько только мог увидеть человеческий глаз, простиралась сияющая черная гладь моря. Оно казалось безграничным, огромным, могущественным.

А еще море было расслабляющим, комфортным... Вернее, таковым его делало присутствие де Уоренна. Аманда была вне себя от волнения, осознавая, что его огромная сильная фигура оказалась совсем рядом, а ее собственное тело предательски трепещет. И все-таки более важным было ощущение того, что здесь, стоя так близко к этому человеку, она защищена и надежно укрыта от всех невзгод.

Лицо Аманды озарила слабая улыбка. Ей не нужно было спрашивать де Уоренна, она абсолютно точно знала: он наслаждается красотой и спокойствием этого момента, и, если честно, она тоже. Но, если уж говорить совсем по правде, больше всего Аманда наслаждалась тем, что была рядом с капитаном – с ним вместе.

Еще несколько восхитительных минут прошло в установившейся между ними, такой странной и неожиданно красноречивой тишине. Наконец Аманда нарушила молчание:

– Ночь просто восхитительна, не так ли?

Капитан посмотрел на нее:

– Да, вы правы.

Перехватив его пристальный взгляд, Аманда ощутила трепет в груди и в смущении отвернулась, вновь вернувшись к созерцанию бесконечной глади сверкающей воды. Отец действительно ушел, но, несмотря на это, ночь и в самом деле казалась чудесной. Наверное, Аманда должна была чувствовать себя предательницей, но она знала: отец хотел бы, чтобы она наслаждалась этой ночью.

И вдруг ее желудок совсем неромантично заурчал.

Де Уоренн улыбнулся, а Аманда покраснела:

– Благовоспитанные леди так себя не ведут, не правда ли?

– Вы ведь уже не раз говорили мне, что вас не интересует, как ведут себя леди.

Аманда подумала о той достойной самой знатной леди ночной рубашке, которая теперь лежала в ее мешке.

– Мне действительно все равно, что я – не леди, – ответила она, в глубине души понимая, что говорит неправду. Чтобы сменить тему беседы, Аманда быстро добавила: – Если вы и в самом деле хотели поужинать со мной, я нарушила ваши планы.

Бровь де Уоренна удивленно поднялась.

– В сущности, вы ничего не нарушили, к тому же приглашение по-прежнему в силе.

Аманда повернулась к нему:

– Что вы имеете в виду?

Его цепкий взгляд скользил по ее лицу, задерживаясь на каждой черточке.

– Я еще не ужинал. Надеюсь, что вы проснетесь и составите мне компанию.

Нет, все-таки де Уоренн передумал относительно нее, и Аманда поняла это: он все же решил пригласить ее в свою постель. Странно, Аманда должна была бы испугаться, но она не чувствовала страха. Скорее сильно нервничала и ощущала приятное возбуждение. Что ж, теперь она была готова заплатить за длительную поездку.

Аманда медленно подняла взгляд на де Уоренна, напряженно думая о том, что вот-вот должно произойти, и понимая, что хочет оказаться в его постели. Теперь ей оставалось только молиться, чтобы не выставить себя на посмеище в столь интимный момент. Впрочем, она была сообразительна и надеялась догадаться, что нужно делать, как только де Уоренн соберется овладеть ею.

– Я должен распорядиться, чтобы нам подали ужин. Прошу меня извинить. – И он зашагал прочь.

Аманда глубоко вздохнула, вцепившись в ограду палубы, но не смогла унять стремительно колотящееся сердце. И в этот момент она неожиданно поняла, что такое влечение – о да...

– Мисс Кэпп. – Капитан жестом позвал ее с порога своей каюты, на его лице мелькнула улыбка.

Аманда пошла вперед, в волнении покусывая губу. Даже при том, что де Уоренн был одет по-домашнему, без лишних формальностей – в льняную рубашку, светлые бриджи и высокие сапоги, – ей хотелось бы быть облаченной в красивое платье, которого у нее, кстати, никогда не было.

А потом Аманда увидела стол. Его освещали высокие, цвета слоновой кости свечи, вставленные в золотые подсвечники. На столе была расстелена белая скатерть, на которой красовались льняные салфетки, серебряные столовые приборы, хрустальные бокалы и тарелки с позолоченными краями и красивой красной, синей и золотой эмалью. Бутылка вина покоилась на серебряной подставке рядом с серебряными блюдами, полными дымящейся еды. Аманда, никогда прежде не видевшая такой роскоши, в изумлении застыла на месте.

– Прошу вас, пожалуйста. – Де Уоренн прошел мимо нее, отодвинул от стола обитый темно-красным бархатом стул.

– Мы что, действительно будем есть? – в волнении выдохнула Аманда, спрашивая себя, не сон ли это.

– Да, я ведь пригласил вас поужинать.

Бедняжка не могла оторвать взгляд от изысканной сервировки. Она никогда не видела подобного стола – да за ним впору ужинать самой королеве, а не дочери пирата!

– Мисс Кэпп?

Аманда словно сквозь пелену слышала голос де Уоренна, постепенно осознавая, что ошибалась. Он никогда бы не приказал накрыть такой роскошный стол, если бы просто хотел затащить ее в постель. Она взглянула на капитана – ошеломленная, сбита с толку, смущенная. Он по-прежнему придерживал для нее стул.

Аманда осторожно прошла вперед. Однажды ее отец отодвинул стул для своей любовницы: они пошатывались, будучи в изрядном подпитии, и дико хохотали над нелепым, как им казалось, жестом, передразнивая атмосферу дворянских приемов. Потом отец разом прекратил громкую забаву, усадив женщину к себе на колени вместо стула и зарывшись в самую глубину ее лифа.

Аманда во все глаза смотрела на де Уоренна. Неужели можно быть таким добрым, таким щедрым, таким красивым? Капитан поклялся, что он – джентльмен и питает лишь самые бла-

городные намерения, и она начинала верить в это. Столь богатый аристократ не стал бы так стараться, чтобы обольстить кого-то вроде нее.

– Пожалуйста, садитесь, – мягко пригласил он.

– Так вы не пытаетесь меня соблазнить? – выпалила Аманда.

– Нет, не пытаюсь. – Его взгляд вновь задержался на ее лице.

– Почему? – Даже в тусклом отблеске свечей Аманда увидела, как де Уоренн зарделся. –

Почему вы не хотите соблазнить меня?

И она упрямо тряхнула головой:

– Почему вы делаете все это? Почему хотите ужинать со мной? Я – не какой-нибудь там герцог или адмирал! Я – не красивая и не элегантная. Так почему?

Де Уоренн какое-то время хранил молчание, все так же пристально глядя ей в глаза. Потом, наконец, вымолвил:

– Гораздо приятнее ужинать в компании, чем одному. К тому же мне хочется узнать кое-что о вашей жизни.

Аманда подозрительно сощурилась:

– О моей жизни?

Она и не думала, что ее жалкое существование имеет хоть какое-то значение, ведь никто прежде не интересовался подробностями ее жизни.

– Не каждый день я спасаю дочь пирата, – ответил де Уоренн, и в его тоне вдруг послышались дразнящие нотки.

Аманда невольно улыбнулась. Подобное утверждение наверняка прозвучало бы обидно и даже оскорбительно, исходя оно от кого-то другого.

– Рассказ о моей жизни навлечет на вас скуку, – предупредила она. И тут же, поддавшись внезапному импульсу, ляпнула: – Но я хотела бы послушать о вашей!

Капитан вздрогнул от неожиданности:

– А рассказ о моей жизни совершенно точно не вызовет у вас интерес!

Аманда рассмеялась:

– Вы – член королевской семьи!

Де Уоренн только хмыкнул в ответ:

– Моя милая, я едва ли имею отношение к королевской семье!

Он жестом еще раз пригласил ее занять место за столом.

Аманда едва могла дышать, ее голова вдруг закружилась, и она наконец-то опустилась на стул. Никто прежде еще не называл ее «милой». Конечно, он не вкладывал в это слово какого-то особого смысла. Он называл милой и свою дочь. Аманда не была его дочерью и уж точно не хотела бы, чтобы ее воспринимали как ребенка. Но это случайное проявление нежности, слетевшее с его уст, звучало так обольстительно, что в душе Аманды вдруг зародилось сильное, глубокое желание – чтобы он назвал ее так снова, только на этот раз уже осмысленно.

Де Уоренн пододвинул стул поближе к столу, потом уселся напротив Аманды, взяв бутылку вина. Видно было, что капитан сомневался, улыбка исчезла с его лица. Помедлив, он поставил бутылку на стол.

– Я должен спросить. Сколько вам лет?

Аманда не колебалась ни секунды:

– Двадцать один. – Дочь пирата улыбнулась, хотя сердце продолжало отчаянно биться. Ей хотелось, чтобы де Уоренн считал ее более взрослой и опытной, чем было на самом деле. – А сколько вам лет?

Он улыбнулся, укоризненно покачивая головой:

– Аманда, мы оба знаем, что вам и близко нет двадцати одного года. А мне двадцать восемь. – Он снова запнулся в нерешительности, осознав, что невольно назвал ее по имени. – То есть я хотел сказать «мисс Кэпп».

Раньше Аманда думала, что капитану ближе к тридцати, и, как оказалось, не ошибалась. Она напряженно размышляла, какой же возраст назвать, чтобы он ей поверил.

– Мне почти двадцать, – солгала она. – И, как я уже говорила вам, я – не леди. Так что можете называть меня Амандой.

Забота де Уоренна казалась искренней и так трогала ее... Помолчав, он уточнил:

– В самом деле?

– В самом деле. И я хотела бы выпить вина, – добавила она.

Де Уоренн налил гостю совсем немного, свой же бокал наполнил до краев.

– Я и не думала, что вы столь щедры, – недовольно проворчала она, протягивая руку за своим бокалом. Выходит, он ей не поверил?

– Мне кажется, вам шестнадцать, возможно, семнадцать, – сказал он, рассматривая собеседницу при блеске свечей.

Аманда вздохнула. Ей было семнадцать лет, в августе должно исполниться восемнадцать. Вместо ответа она быстро опустила глаза, сделала глоток вина – и тут же едва не задохнулась от восторга, мигом забыв о своем обмане. Вино, которое Аманда пила с отцом, было мутным и кислым, поэтому она всегда предпочитала грог.

– Что это? – ошеломленная, с трудом произнесла она.

Де Уоренн откинулся на своем стуле, одарив ее широкой улыбкой:

– Я так понимаю, это был возглас одобрения?

– Вино очень вкусное – отдает ягодами, приятное, мягкое.

– Здесь присутствует сильная нота черной смородины, – согласился он, – и немного танина, только для того, чтобы терпкость ощущалась на кончике языка. Это вино из испанской провинции Риоха.

Аманда ничего не ответила: она сделала еще один глоток, чтобы хорошенько распробовать необыкновенное вино. Этот напиток достоин богов!

– Вы захмелеете, если не будете пить медленнее, – предупредил де Уоренн, однако его голос звучал легкомысленно, даже весело. Капитан даже не притронулся к своему бокалу, он с интересом продолжал наблюдать за ней.

Хотелось бы Аманде знать, о чем он сейчас размышляет на самом деле. Она широко улыбнулась ему:

– Я никогда не думала, что вино может быть таким восхитительным. Почему вы так внимательно смотрите на меня?

Он покраснел и отвел взгляд:

– Прошу прощения.

– Все дело в моей рубашке? Или мне следовало заплести волосы?

– У вас замечательная рубашка. – Его улыбка выглядела натянутой. – Я был груб. Это больше не повторится.

Аманда колебалась, не зная, чем же вызвано пристальное внимание де Уоренна. Она скрутила волосы узлом, потом мрачно улыбнулась ему:

– У меня нет другой одежды, кроме той ночной рубашки.

Капитан, похоже, встревожился из-за своей невольной бестактности:

– Дело не в ваших волосах – ваши волосы прекрасны – и не в вашей одежде. Мне бы хотелось, чтобы вы насладились этой пищей. У меня замечательный повар.

Аманда притихла. Ему нравятся ее волосы? Каждое лето она обрубала часть своей гривы кинжалом, но за год волосы всегда отрастали снова. Этим летом Аманде и вовсе было не до этого – заботы о волосах вылетели из головы, когда схватили отца.

– Мои волосы слишком длинные, – констатировала она.

Румянец на щеках де Уоренна стал еще ярче.

– Никогда не отрезайте их, – коротко бросил он.

– Вы и правда думаете, что у меня красивые волосы? – напрямик спросила Аманда.

Его пальцы сильно и нервно забарабанили по скатерти. Потом он медленно поднял на собеседницу глаза и ответил:

– Да, я так считаю.

Обрадованная, Аманда с улыбкой посмотрела на капитана, но он отвел взгляд:

– Так сколько, вы говорите, вам лет?

Она упорно не хотела говорить ему правду:

– Мне почти двадцать, де Уоренн.

Он поднял глаза, которые теперь казались непроницаемыми:

– Это просто невозможно. Совершенно очевидно, что вы находитесь в том неуклюжем периоде, когда вы – наполовину ребенок, наполовину женщина.

– Что за чепуху вы несете! – бросила она, тут же впадая в раздражение. – Никто не может быть наполовину женщиной и наполовину ребенком! Этим утром вы ясно дали понять, что считаете меня взрослой женщиной – и совсем не наполовину!

Де Уоренн выпрямился на стуле, впившись взглядом в гостью. Аманда уставилась на него, с любопытством ожидая ответа. Его губы медленно вытянулись в странную улыбку.

– Вы воспитывались среди беспутных моряков. Вам известна мужская природа. Я пытался быть с вами джентльменом, но у меня есть свои недостатки. Да, у меня типично мужская натура. Это ровным счетом ничего не означает, и не стоит искать в этом какой-то смысл.

Аманда пристально посмотрела на него, не в силах разгадать смысл этих причудливых слов. А он одарил ее весьма откровенной и чувственной улыбкой, из разряда тех, что заставляет таять сердца, и ее сердце тут же сомлело.

Аманда бросила думать над его странными высказываниями. Ее пульс неистово колотился, мысли беспорядочно метались.

Капитан взял бутылку и наполнил ее бокал:

– Расскажите мне немного о себе.

Но Аманда была во власти чувств и едва ли слышала его.

– Аманда? Когда вы с вашим отцом приехали на Ямайку и поселились на острове?

Она глубоко вздохнула, все еще не в силах забыть, как обольстительно он только что смотрел на нее, улыбался ей... Она с трудом восстановила дыхание.

– Мне было четыре, – с усилием произнесла она.

– А где вы жили до этого? – спросил де Уоренн. Теперь и в его руке оказался бокал, время от времени он делал глотки, наслаждаясь красным вином.

– В Сент-Мавес. Это в Корнуолле. Я там родилась, – ответила Аманда, наконец-то сумев собраться с мыслями.

– Сент-Мавес... если не ошибаюсь, это на восточном побережье.

Она кивнула:

– Моя мать оттуда родом.

– А как познакомились ваши родители? – осведомился он, не сводя пристального взгляда с ее лица.

Изумленная, Аманда вдруг подумала о том, что капитан, похоже, действительно интересуется ее жизнью.

– Папа служил на военно-морском флоте. Он был гардемаринном на линейном корабле. Папа проводил отпуск в Брайтоне, а мама отдыхала там с матерью и сестрой. Это была любовь с первого взгляда, – добавила она с улыбкой.

Аманда по-прежнему ожидала, что собеседник каким-либо образом покажет, что ему наскучил разговор, однако он лишь ближе склонился к ней:

– До меня доходили кое-какие слухи по поводу того, что Кэрр был военно-морским офицером. Подумать только, линейный корабль! Это впечатляет.

Линейные суда были самыми большими военными кораблями британского флота, они представляли собой огромные трехпалубные гиганты с более чем сотней орудий и командами, которые насчитывали человек восемьсот, а то и больше. Аманда была очень горда.

– Думаю, папа в те годы был весьма лихим воякой.

– И ваша мама попала в его любовный плен, – улыбнулся он.

– Да. – Ее улыбка медленно погасла. – А потом папа превратился в жулика.

– После женитьбы?

Аманда кивнула:

– И после моего рождения. Мама его выставила.

– Интересно, знаком ли я с кем-то из семьи вашей матери, – задумчиво произнес де Уоренн. – У моего брата поместье в Корнуолле, и я бывал там, хотя и нечасто.

– Ее девичья фамилия – Стрейтферн, – сказала Аманда, снова ощутив гордость за родителей. – Это старинный род, мама могла проследить свою родословную до англосаксонских времен.

– Выходит, ваша мама самая настоящая светская дама, – заметил капитан.

– Она – настоящая леди. Папа говорил, что у нее безупречные, изысканные манеры, она остается учтивой всегда, независимо от ситуации, а еще она удивительная красавица.

Аманда улыбнулась, хотя душу вновь кольнула тревога. Как легко она, оказывается, забыла, что через каких-то шесть недель окажется перед дверями своей матери в Лондоне! Аманда взглянула на де Уоренна и, заметив, как сосредоточенно он наблюдает за ней, улыбнулась уже более решительно. Дочь пирата не хотела, чтобы этот аристократ догадался: поездка в Англию пугает ее гораздо сильнее, чем любое, даже самое ожесточенное морское сражение.

– Ваша семья все еще владеет землями в Сент-Мавес? – спросил он.

Аманда вдруг подскочила на месте от возмущения.

– Вы задаете слишком много вопросов о моей матери. – Мысли лихорадочно зароились в ее голове. Де Уоренн слыл бесстыдным дамским угодником, а ее мать была очень красива. Неужели он заинтересовался Дульсией Кэрр?

Сердце затрепетало от отвратительного предположения.

– С вами все в порядке? – спросил капитан.

Она не могла изобразить даже подобие жалкой улыбки.

– Аманда?

– Вы знакомы с моей матерью? – резким тоном осведомилась она.

– Боюсь, нет, я не знаю никого из Стрейтфернов.

Аманда с явным облегчением откинулась на стуле.

– Я очень удивлен тем, что ваша мать позволила вам отправиться в Вест-Индию с вашим отцом, – мимоходом заметил он.

Аманда была настолько успокоена тем, что де Уоренн явно не собирался превращать ее мать в свою любовницу – это она поняла по его ровному, безучастному тону, – что даже не задумалась над его вопросом и выпалила честно:

– А она и не давала подобного разрешения. Папа забрал меня силой, вырвав прямо из ее рук, чем буквально разбил ее сердце. – Когда брови де Уоренна приподнялись от изумления, она добавила, пытаясь защитить отца: – Ему не разрешали меня видеть. Если бы мама была добрее, он бы никогда не забрал меня и не увез так далеко. Но она не позволила ему ни одной встречи со мной. Он очень тосковал без меня, поэтому и решился на такой шаг.

На лице де Уоренна появилось мрачное выражение.

– Мне очень жаль. Это ужасная история.

Аманда безразлично пожала плечами.

– Я все равно ничего не помню. Я даже не помню маму. Мне так обидно, что я ее забыла, – добавила она.

– Возможно, это даже к лучшему, что вы не помните, как вас вырвали из рук матери, – заметил он, испытующе глядя на Аманду.

Она посмотрела ему в глаза:

– Я люблю папу. И я рада, что он забрал меня тогда.

Задумчиво изучая ее лицо, де Уоренн отозвался:

– Я знаю.

Несмотря на свое признание, в глубине души Аманда чувствовала грусть. Это ощущение не было похоже на горе, которое съедало ее после смерти отца. Дочь пирата не могла не спрашивать себя, какой была бы ее жизнь, если бы отец не приехал тогда, чтобы увезти ее из Сент-Мавес. Этот вопрос мучил Аманду большую часть жизни.

Она подняла глаза на капитана и снова принялась обороняться:

– Мама – настоящая леди, а я – нет. Я никогда не буду леди, но это меня не заботит. Я люблю море. И если бы могла сама выбирать свою судьбу, я бы оставила все, как сейчас, – осталась бы на этом большом красивом корабле, бегущем по волнам, навсегда.

Густые темные ресницы де Уоренна дрогнули, спрятав прекрасные синие глаза. Он хранил молчание, задумчиво перебирая столовые приборы.

– Вы, вероятно, считаете меня дурочкой, – предположила Аманда, горько вздохнув, а потом призналась: – Иногда я и сама считаю себя дурочкой.

Капитан по-прежнему не решался поднять на нее глаза.

– Нет. Я не думаю, что вы глупы, Аманда. – Его голос струился мягко, будто нежное прикосновение шелка. Этот искренний тон неожиданно вызвал знакомое уже покалывание.

Де Уоренн по-прежнему сидел опустив лицо, а Аманда пыталась как следует рассмотреть его. Любуясь красотой этого мужчины, она ощущала такое волнение, что забывала дышать. Его высокие скулы немного порозовели, несомненно от вина. Если бы несколько дней назад кто-то сказал Аманде, что она будет ужинать наедине с Клиффом де Уоренном в капитанской каюте на его фрегате, она просто хохотала бы до колик в животе. Но она была здесь, с ним, наедине, и он задавал ей множество глубоко личных вопросов, явно искренне заинтересованный ее жизнью.

А еще ему нравились ее волосы. Он сказал, что они красивые.

Женщина, которая отражалась тогда в зеркале дома в Уиндсонге, та самая, в роскошной белой ночной рубашке с кружевами, была удивительно привлекательной. Даже сама Аманда признавала это.

Но та очаровательная женщина была чужой, незнакомой – та женщина не была ею. На самом деле она была всего лишь Амандой Кэрр, которую большинство жителей острова называли Дикаркой или дочерью пирата, тощей девчонкой с длинными растрепанными волосами, носившей потертую мальчишескую одежду.

И все же прекрасная ночная рубашка по-прежнему лежала в ее мешке, оставленном на койке в каюте на нижней палубе. А ее волосы можно было расчесать и уложить...

Аманда вдруг представила, как заходит в каюту де Уоренна с лентой в волосах, наряженная в кружевную ночную рубашку. А еще она вообразила, что он смотрит на нее – совсем так, как утром, в большом зале дома в Уиндсонге. Аманда густо покраснела, ее сердце гулко забилося в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.